

"Дрянь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дрянь

Мукасей открыл глаза и сразу снова зажмурился, заморгал. Он лежал на верхней полке, поезд стучал колесами, солнце било ему прямо в лицо. Сорвав с полочки белое вафельное полотенце с черным казенным штампом, он прикрыл лицо. Повернулся на бок и из-под полотенца увидел скулящего щенка на нижней полке. Кудлатый мальчик лет десяти чесал ему за ухом и приговаривал:

— Ну потерпи, Мотысик, потерпи, скоро остановка. Деда, — мгновенно изменив тон с ласкового на капризный, спросил он толстого, с одышкой, человека в полосатой пижаме, — когда остановка? Мы чего, опаздываем?

«Деда» посмотрел на часы, удрученно покачал большой лысой головой и сказал кому-то, чьи ноги, обутые в огромные стоптанные кеды, виднелись из-под полки Мукасея:

— Я в журнале «За рубежом» читал, что в Японии все поезда, вместе взятые, за целый год опоздали на полторы минуты...

— Я не знаю, как у вас, а у нас в Японии... — пошлым тенорком пропел обладатель кедов. И с ходу соврал: — А я читал, что у них в Японии в каждом вагоне специальный сортир для собачек. — Подумал и добавил: — Отдельно для собачек, отдельно для кошечек. А у нас животные должны мучиться.

— Мы всего-то на пять деньков — туда и обратно, а оставить не с кем, — стал почему-то оправдываться «деда».

Поезд дернулся и стал притормаживать. За окном замелькали подъездные пути большой станции. Кудлатый мальчишка принялся цеплять на Мотысика ошейник. Свободолюбивый Мотысик вырывался и изворачивался.

Возле вагонов бабки продавали овощи и фрукты — целыми ведрами. Мукасей, в тренировочном костюме, спрыгнул с подножки на асфальт и пошел, гуляя, вдоль рядов. Лысый «деда» отчаянно торговался за ведро яблок, кудлатый внук выгуливал щенка. Мотысик рыскал во все стороны, натягивая поводок. Наконец задрал ногу на мешок с семечками.

— Брысь, ирод, брысь! — замахала на него руками толстая тетка, торговавшая семечками. Мотысик рванулся, поводок вылетел у его хозяина из рук. Бабки вдруг зашумели, закричали, замахали руками. Мотысик юркнул под колеса товарняка, стоявшего на соседнем пути.

— Деда, деда! — пронзительным голосом кричал мальчик, приседая на корточки и просовывая голову под колеса товарняка.

— Стой, назад! — орал «деда», уронив на землю ведро с яблоками.

Товарный содрогнулся, мальчик в ужасе отпрянул. Все вокруг галдели — кто возмущенно, кто сочувственно. Огромные стоптанные кеды появились на пороге вагона. Окинув взглядом происходящее, их владелец удовлетворенно констатировал:

— Тут вам не Япония...

Товарный тронулся с места, стал медленно перебирать колесами.

— А-а, — плакал мальчик. Толстый «деда» в пижаме метался по платформе. У Мукасея на лице появилось какое-то усталое, покорное выражение. Он вздохнул, схватился за поручни, вскочил на площадку товарного и спрыгнул с той стороны. Сделал он это легко, без напряжения.

Приземлившись на гравий, он огляделся по сторонам. Щенка не было видно. Товарный шел и шел за спиной, постукивая на стыках. Кряжистая женщина в оранжевой куртке с ломом через плечо стояла шагах в тридцати, что-то неслышное за шумом поезда кричала Мукасею и энергично махала рукой в сторону приземистых пакгаузов из красного кирпича. Мукасей понял, кивнул и побежал туда.

Там, где он бежал, что-то разгружали и нагружали, с грохотом ремонтировали, варили электросваркой, какие-то люди с закопченными лицами в грязных робах, впрягшись, как бурлаки, волокли неведомо куда огромный громыхающий ржавый короб. Здесь была изнанка, обратная сторона видимой железнодорожным пассажирам жизни. Хвост Мотысика мелькнул между двумя закопанными в землю почерневшими цистернами. «Ко мне!» — крикнул Мукасей, не зная, что еще кричать, но тут из-за какого-то не замеченного сперва железного сарая выполз, пыхтя и пуская облака пара, допотопный маневренный паровозик, и щенок, поджав хвост, метнулся в сторону.

Наконец, миновав заросшую травой, как видно, вышедшую из употребления колею, Мукасей оказался на задворках. Съеденные ржавчиной бочки, клубки спутанной проволоки, горы мусора и отбросов. Мотысик нырнул в щель под грудой черных просевших шпал. Мукасей подбежал и, опустившись на колени, заглянул туда. Два огромных, как ему показалось, совершенно человеческих глаза, полных дикого страха, глядели на него. Господи, подумать только, что испытало это маленькое несчастное существо, оказавшись один на один с таким ужасным, грозящим тысячью бед и опасностей, чужим и непонятным миром!

— Ну, иди сюда, дурень, — с неожиданной для себя самого нежной жалостью позвал Мукасей. Щенок дрожал и не двигался с места. — Да иди же! — настойчиво повторил Мукасей и протянул руку. Щенок зарычал. Мукасей с тревогой взглянул на часы и сказал: — А то хуже будет!

Ухватив за конец поводка, он потащил щенка наружу. Мотысик рычал, скулил и упирался.

— Дурак! — уже разозлившись, прикрикнул на него Мукасей. — На поезд опоздаем! — и дернул так, что щенок вылетел наружу, как пробка, но сразу вжался в землю и замер, ожидая удара...

Проводница уже подняла вагонную площадку и держала в руке желтый флажок. Над ней нависал «деда», из-под руки выглядывала кудлатая голова. Мимо все шел и шел бесконечный товарняк. А когда проплыл хвост последнего вагона, все увидели Мукасея и рядом взъерошенного, перепачканного мазутом, насмерть испуганного щенка.

* * *

Дождик тренькал по крыше. Капли косо пересекали мокрое стекло, и казалось, что из темного купе заглядываешь в аквариум, подсвеченный далеким светом фонаря. В аквариуме проплывали неясные тени, невнятно переговаривались за окном путевые рабочие. Состав стоял на очередной станции.

— Скорый поезд Ташкент — Москва отправляется с первого пути, — неприлично громко и

гулко в ночной тиши сообщил репродуктор и добавил, когда состав уже нервно дернулся: — Провожających просим выйти из вагонов.

Кто-то дробно простучал каблуками по коридору, стукнула вдалеке железная дверь. Состав еще раз содрогнулся с лязгом, мимо окна медленно поехал назад фонарь. Кроме Мукасея, все в купе спали. Он на своей верхней полке тоже перевернулся на спину, натянул простыню на подбородок. В дверном зеркале тускло поблескивали бутылки на столике.

И вдруг в это зеркало, как в невод, занесло что-то яркое, сверкающее огнями. На соседнем перроне стояла электричка. Наверное, последняя — народу полным-полно. Картинки чужой жизни, как размытое воспоминание, поплыли перед Мукасеем, отражаясь в зеркале сквозь мокрое окно.

Толстая тетка тянет короткие руки, пристраивая сумки на багажную полку. Размалеванная девчонка с черными браслетами высунулась в окно, подставив лицо дождю. Компания длинноволосых с гитарой. Усталые грибники. Бесстыдно обнявшаяся парочка. Милиционер с оловянными глазами...

Поезд набирал скорость, картинка слилась в яркую неразличимую карусель. Вагон подпрыгнул на стрелке, и все пропало, сгнуло, как наваждение. Тьма в зеркале. Только где-то далеко-далеко, в верхнем углу, горит огонек. Мукасей закрывает глаза, но он приближается, растет. Становится костром, пожаром. Стук колес сливается со стуком дождя, с мелким дребезжанием ложки в стакане, становится похож на стрекот винтов. Почему-то теперь Мукасей видит огонь не сбоку, а сверху. Пламя приближается. Уже можно различить, что это горит боевой вертолет Ми-6. Лопасты его еще продолжают крутиться в дыму.

* * *

Мукасей выволоч на московский перрон свои огромные новенькие чемоданы и остановился, вглядываясь в лица встречающих. Он растерянно вертел головой по сторонам, поднимался на цыпочки, стараясь через головы толпы увидеть своих. Взгляд его мельком скользнул по насупленному лицу высокого крупного мужчины с фигурой бывшего спортсмена. Мужчина не суетился, никого не высматривал в толпе, а просто стоял в сторонке, глядя исподлобья на дверь спального вагона.

Так никого и не высмотрев, Мукасей погрузил чемоданы носильщику на тележку, пошел следом, все еще вглядываясь в людской поток. И наконец увидел, как сквозь толпу, смешно подпрыгивая, опираясь на палку, быстро ковыляет знакомая фигура. Мукасей остановился, дал ему проковылять мимо пару шагов и в спину скомандовал:

— Стой, раз-два. — А когда Глазков круто затормозил, иронически поинтересовался: — Дяденька, вы кого ищите?

— Мукасей! — крикнул Глазков и полез обниматься.

— Тихо, тихо, — отбивался Мукасей, — не зашиби палкой. Чемоданы уедут. — И, подхватив Глазкова под руку, пошел за носильщиком, по дороге спрашивая: — Алька-то где?

Глазков растерянно пожал плечами:

— Черт ее знает. Вчера вечером созванивались с ней, договорились тут, у вагона...

Возле красного «москвича»-пикапа остановились. Мукасей расплатился с носильщиком и

хотел засунуть чемоданы через заднюю дверцу, но Глазков сказал:

— Погодь. Давай на сиденье, а то там у меня сзади всякие железки. Еще порвешь или испачкаешь, — кивнул он на чемоданы.

Когда тронулись, железки немедленно дали о себе знать: громыхали и подпрыгивали на каждой асфальтовой колдобине:

— Мы теперь кто? — объяснял Глазков, лавируя в потоке машин. — Мы теперь ки-пи-ра-тив. Даже название есть. Красивое! «Голем». Сам придумал, ей-богу. Не все понимают, но кто понимает, сразу откликается. Охраняем, значит, чужие сокровища. Слесарим, если по-простому.

Глазков на светофоре повернул направо, и Мукасей спросил удивленно:

— Ты куда?

— Заскочим на секунду ко мне, а? — виновато попросил тот. — Кинем назад одну штуку, чтоб мне не возвращаться? А то клиент икру мечет...

Заехали во двор старого пятиэтажного, довоенной постройки дома.

— Сплошные удобства, — говорил Глазков, с помощью палки выкарабкиваясь из машины. — Вон те окошки на втором — моя фатера, моя с мамашей. А тут, — он махнул рукой в сторону трех подвальных окон, выходящих в глубокие зарешеченные ямы, — тут, значит, ки-пи-ра-тив. Во всем навстречу, — продолжал он, спускаясь по ступенькам в прохладное нутро подъезда, отпирая тяжелую дверь, — инвалидам у нас везде дорога и почет.

За одну паршивую ногу — столько почета. Даже телефон без очереди...

Он зажег свет, и Мукасей увидел большое помещение, где слева стояли стеллажи, заваленные всяким железным хламом, а справа верстаки с инструментами.

— Замки врезаем, дверные коробки укрепляем, дверь стальную можем сварить, жалюзи сделать, решетки на окна, — бормотал Глазков, выволакивая из-под стеллажа какую-то готовую конструкцию. — Вот образцы, гляди. — Он показал, как на одном окне защелкиваются стальные ставни, потом как на другом опускаются решетки. — А дверь? Ты посмотри на эту дверь! Да ее никаким автогеном не возьмешь! Пятьсот рублей — все удовольствие!

— Да мне пока не надо! — хмыкнул Мукасей.

— Тебе не надо, а кое-кому надо. Бери за другой конец, потащили...

Когда загружали решетки в машину, Глазков объяснял:

— Напарник, значит, у меня — золотые руки. Но любит это дело. Как, говорит, ни крутись, как ни бейся, а к вечеру, хошь не хошь, а напейся. Сейчас третий день в штопоре, я один и курдохаюсь.

Сев за руль, он неожиданно предложил:

— А то иди к нам в компанию. Уж если я приноровился... Ты-то при руках, при ногах!

— Ага, — легко кивнул Мукасей, — только сшитый из двух половинок.

Разогнав стаю голубей, остановились у подъезда блочной двенадцатизэтажки. Мукасей выволок наружу свои чемоданы.

— Дотащишь сам? — спросил Глазков виновато. — Клиент — зверь! Я ему еще вчера обещал. — Но, отъезжая, успел крикнуть в спину Мукасею, который уже входил в подъезд: — Насчет сокровищ подумай!

* * *

Поставив чемоданы, Мукасей нажал кнопку звонка. Он заранее улыбался, готовясь к встрече. Но с той стороны не торопились открывать дверь. Он нажал еще раз. Еще. Еще. Звон стоял на весь подъезд — Мукасей держал палец на кнопке не отрывая. И вдруг щелкнуло у него за спиной. Он опустил руку и обернулся. В дверях квартиры напротив стояла соседка — рыхлая приземистая женщина с большими, навывкате, глазами. Из-под ног у нее рвался на площадку лохматый черный пудель.

— Здравсьте, Евгения Пална, — пробормотал Мукасей.

Но соседка, ничего не отвечая на приветствие, молча втащила пуделя за шкуру обратно в квартиру. Мукасей растерялся от такой встречи, обернулся и увидел Алису.

Сестра стояла, прислонившись к косяку, в распахнутой настежь двери. В первый момент Мукасею показалось, что Алиса стоит опустив глаза. Он испугался: что-то случилось! Но тотчас же понял свою ошибку: Алиса не смотрела вниз, она вообще никуда не смотрела, глаза ее были закрыты. Осторожно, словно боясь спугнуть, Мукасей подошел ближе, взял ее за плечи. Одутловатое лицо, мешки под глазами, набрякшие веки, пунцовые губы.

Она приоткрыла щелки глаз, раскрыла шире, еще шире.

— Валечка... Ты?!

И вдруг крепко обвила руками его шею, прижалась к груди.

Потом он почти нес ее по коридору, она висла у него на руках и шептала что-то не очень связное:

— Господи, глупость-то... Ждала-ждала... Ночью... холодно... Таблеточку снотворного... одну... И вот глупость! Проспала... Валечка, милый... Пусти меня в ванную. Не бойся, я уже в порядке... Ты кофе, кофе мне, ладно? Там все, на кухне... и бутерброды...

* * *

Она заперлась в ванной, а Мукасей пошел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник, стал делать бутерброды. Стол, старый родительский кухонный стол, которым отец с матерью так гордились — большой, круглый, с хохломской росписью, — был изуродован, изрезан ножом, в пятнах, подпалинах, лак вспучился. Провел по нему пальцем, лицо окаменело. Он огляделся вокруг. Везде те же следы — не запустения даже, а какого-то варварства. Стена над плитой обгорела, видно, тут был небольшой пожар. Розетка вырвана с мясом. Лампочка под потолком голая, без абажура. Занавески на окнах пропитаны копотью, висят как две половые тряпки. Он опустил глаза: линолеум на полу вздулся, на нем ожоги, порезы. Черт знает что!

Мукасей заглянул в комнату сестры. Открыл шкаф — на плечиках пара сиротливых платьев, потертое демисезонное пальто. Письменный стол девственно пуст. Попытался вытащить ящик,

его заело. Подергал с раздражением — не идет. Рванул со всей силы — ящик вылетел, грохнулся на пол. Покатались по паркету пустые пузырьки, огрызки карандашей, мятые бумажки, прочий мусор. И стопка небрежно сложенных писем. Мукасей наклонился, поднял одно: «Привет, Лисенок! — начиналось оно. — Что-то давно нет от тебя писем». Мукасей сложил письма обратно в ящик, вставил его на место, а в голове звучал собственный голос, бравурный, ненатурально-приподнятый:

"Привет, Лисенок! Что-то давно нет от тебя писем. Впрочем, как любил говорить отец: если от детей нет известий, значит, у них все в порядке. У тебя все в порядке?"

У нас все о'кей, стоит прекрасная погода, днем тепло и сухо — целый день солнце, а ведь на дворе уже декабрь! Просто курорт. Ну, стреляют, конечно, не без этого. Но ты же знаешь, я для пуль неуловимый, так что за меня не беспокойся. Знаешь, о ком я все время думаю? О тебе, дурочка. Мы ведь теперь с тобой вдвоем остались на целом свете, больше никого. И должны друг за друга держаться, так? Вот скоро ты станешь совсем взрослая, наверное, выскочишь замуж, нарожаешь кучу детишек, а я переvedусь в Москву, и снова у нас будет большая-пребольшая семья..."

В родительской комнате больше всего поразило его опустошение на книжных полках. Огромные, во всю стену, они производили сейчас впечатление с боем взятого города. В рядах зияли огромные провалы. Кажется, на своих местах остались только потрепанные брошюры да стопки журналов.

Он стоял на пороге с дурацким бутербродом в руках, обводя взглядом следы разрухи. Трюмо с трещиной поперек центрального зеркала, два кирпича вместо ножки кровати. Подошел к окну, отдернул занавеску. На подоконнике бутылки, грязные стаканы, горка объедков. Давным-давно засохший цветок в горшке. И три папиросных окурка, зверски вдавленных в растрескавшуюся землю.

В ванной что-то металлически звякнуло, послышался звон разбитого стекла.

— Что случилось, Алиса? — испугавшись, заорал он сквозь дверь.

— Все в порядке, Валечка! — крикнула она оттуда. — Душ приму и выйду! — В следующую секунду зашумели краны, ударили струи воды.

Через пять минут Алиса выскочила с мокрыми волосами, все в том же коротком халатике. Лицо ее разругалось, глаза блестели.

— Кофе готов? Кайф! — Она какой-то не слишком свежей тряпкой смахнула со стола, принялась выставлять чашки и блюда: трещины, отбитые края и ручки...

— Алиса, — сказал Мукасей строго, — во что ты превратила дом?

Она вдруг уселась к нему на колени, обняла за шею, чмокнула в ухо.

— Не сердись, Валечка. Я глупая дурочка, я безалаберная, я неряха. Помнишь, ты в детстве меня ругал: «Неряха, неряха!» А я обижалась и кричала: «Нет, ряха, ряха!» — Она засмеялась, еще раз щекотнула его носом. — Я тебе сейчас все расскажу. Когда мы папу похоронили и ты уехал, я как чужая себе стала. На все наплевать. На все. И знаешь, как только поняла, что на все наплевать, сразу полегчало. Институт я бросила — и не надо на меня кричать!

Он и не думал на нее кричать, сидел, пораженный.

— И про отметки, и про стипендию я тебе все врала. И вообще, я за это время успела выйти замуж и... и... развестись. — Она смотрела на него так, будто боялась, что он ее сейчас ударит: с вызовом и страхом одновременно. Но он молчал, честно говоря, потому, что просто не знал, что ему говорить. Тогда Алиса вдруг положила ему руки на плечи, близко-близко заглянула в лицо: — Ты меня простишь, а, Валечка? Простишь, да?

В лице ее, в голосе было что-то такое жалкое, беспомощное, словно ей впрямь снова пять лет и она, проснувшись ночью, прижимается к нему, ища защиты. У Мукасея сжалось сердце. Он встал, сказал нарочно грубовато:

— Ладно, дурында, проехали. С понедельника начинаем новую жизнь. Иди глянь, чего я тебе наприез. — Мукасей отстегнул ремни, откинул крышку чемодана. Сверху лежал лейтенантский китель с привинченным орденом Красной Звезды, он его отложил в сторону. Под кителем Алиса увидела платье в целлофановом пакете, дальше джинсы из варенки с фирменным лейблом, какие-то кофточки, маечки. Она стала вытряхивать все это на диван из пакетов.

— Будем считать, что понедельник начинается сегодня, — сказал Мукасей.

* * *

По кладбищенской дорожке медленно шла лошадь, запряженная в телегу. Птичий свист, скрип телеги, шелест ветра в листве — печальные звуки. Иногда возница легонько трогал вожжи, и лошадь сразу останавливалась. Старик в сером линялом халате спрыгивал на землю, вилами грузил на телегу охапки прелых листьев, мусор, вынесенный к краям дорожки родственниками умерших. Из-за деревьев вышел Мукасей в форменных брюках, но в одной майке, с охапкой сухих стеблей в руках, бросил их прямо на телегу. Лошадь тронулась дальше.

Два овала в граните — отец и мать. Мукасей маленькой лопаткой вскапывал землю, Алиса, подоткнув новое платье, рвала сорняки, мыла памятник. Он взял ведро, сходил к крану, принес воды. Солнце припекало.

— Полей, — попросил он, стаскивая майку. Всю грудь Мукасея пересекал длинный розовый шрам. Когда Алиса стала лить ему на руки, он наклонился, и стало видно, что похожий шрам у него на спине.

— Бедненький, — сказала Алиса. Губы у нее тряслись, в глазах стояли слезы. — Бедненький мой.

За ними наблюдал пожилой подполковник. Он сидел в ограде через две или три могилы от них, перед ним на столике стоял стаканчик, на газетке аккуратно нарезанный помидор, кусочки сыра.

— Эй, паренек! — крикнул он. — Лейтенант! Подойди сюда!

На ходу вытирая лицо и руки майкой, Мукасей подошел.

— Оттуда?

И когда Мукасей молча кивнул, достал из-под лавки припрятанную бутылку, а из сумки еще один стаканчик.

— Выпьешь со мной?

Они выпили, подполковник вздохнул и ни к селу ни к городу сказал:

— Да, такие дела. А я под Ельней, перед первым боем, два дня ничего не ел. Бойся, если в живот ранят, будет перитонит. А ранило-то меня в ноги...

Уже в темноте Мукасей с Алисой возвращались домой. Алиса была оживлена, смеялась, нежно прижималась к брату. Он открыл дверь ключом и замер на пороге. В квартире кто-то был. В родительской комнате горел свет, играла музыка.

— Погоди, — озабоченно нахмурившись, сказала Алиса брату и устремилась туда. Он за ней. Алиса попыталась было прикрыть за собой дверь, но Мукасей не дал, и взору его предстала такая картина.

Две худые полуодетые девицы валяются на грязном ковре возле тахты, на которой ничком, свесив вниз голову и руки, лежит совершенно голый парень. В бесчувственных пальцах у него зажата папироса. На полу между девицами чайник, стаканы с мутной жидкостью. Пепельница, полная окурков. Дым клубами. И запах... Всякому, кто побывал на Востоке, знаком этот запах...

В следующую секунду Алиса буквально вытолкнула его из комнаты и приперла спиной дверь.

* * *

— Валечка, погоди, умоляю, только ничего не говори, — судорожно бормотала она, хватая Мукасея за руки и толкая его прочь от двери, в сторону кухни. — Я сейчас все объясню, ты просто ничего не понимаешь... — Было ясно видно, как она отчаянно пытается сочинить что-нибудь поправдоподобней. — Это моя подруга с братом и... и еще одна девочка. Они мои друзья, друзья, разве непонятно? Мне было так одиноко, ну и... у нее есть ключ, но я его заберу. Теперь заберу, хорошо?

Она втащила его наконец в кухню, и тут он сбросил с себя ее руки:

— Вот что, Алиса. Ты дурака из меня не делай. Чтоб через полминуты их здесь не было. А потом поговорим.

Алиса вышла, прикрыв плотно дверь. Но все равно из коридора до Мукасея доносились какие-то приглушенные вскрики, бормотание, совершенно неуместные сейчас, казалось, дурацкие смешки. Пока за гостями не щелкнул входной замок, он по-новому оглядывал следы варварства вокруг. Прошелся по кухне, остановился перед окном. В мутном, давно не мытом стекле отразилась его насуспенная физиономия. Сзади скрипнула дверь, из коридора с видом нашкодившей школьницы скользнула Алиса, неясным видением возникла в оконном проеме.

— Ответь только на один вопрос, — не оборачиваясь, сказал Мукасей. — Давно?

— Что «давно»? — невинно удивилась она.

Мукасей сжал зубы, ухватился за ручки окна, что есть силы рванул створки. Мутные отражения пропали с дребезгом, он с жадностью полной грудью глотнул свежего воздуха. Подышал немного, стараясь заставить себя успокоиться. Медленно повернулся.

— Пойми, Алиса, — сдерживаясь, неестественно ровным голосом заговорил бы, — это можно вылечить. Главное — захватить вовремя. Пойми, я тебя сейчас ни в чем не обвиняю. Я только хочу, чтобы моя единственная сестра была жива и здорова. И запомни, я сделаю для этого все. Все, поняла? Сестры-наркоманки у меня не будет.

— Наркоманки? — Она взмахнула ресницами. — Вон ты о чем! Какой глупенький, сейчас многие это курят! Подумаешь, косячок ребята забили — так уже сразу наркоманка...

Кровь бросилась Мукасею в лицо, он схватился за спинку стула, чтобы не ударить ее. Постоял секунду, тяжело глядя на сестру в упор (она в испуге съежилась), отбросил стул, выскочил из кухни и вернулся обратно с чайником, забытым гостями на полу в родительской комнате.

— Что здесь? — спросил он, срывая крышку, расплескивая коричневую жидкость.

— Понятия не имею, — она передернула плечами. — Трава какая-то.

Мукасей понюхал, попробовал на вкус. Сказал неприятным голосом:

— Там, откуда я приехал, эта твоя трава называется мак. А пакость, которую из него варят, кокнар. Интересно, вы его как называете?

— Точно так же! — поняв, что притворяться бессмысленно, с вызовом ответила Алиса.

— Вот как! Значит, кокнар, анаша. Что еще? Ах да, таблетки! А может, ты уже и колешься?

Он схватил ее за руку и потянул к себе. Она выкручивалась, вырывалась. Но Мукасей, перехватив ее руки у запястий, дернул за рукав нового платья, он с хрустом оторвался, и Алиса как-то сразу обмякла. Раскачивалась задетая ими в борьбе голая лампочка на шнуре. В ее тускловатом свете Мукасей увидел, что предплечье сестры сплошь покрыто следами уколов.

Он сидел на стуле посреди кухни, зажав руки между колен, и чувствовал себя как выпотрошенная рыба. Алиса в разорванном платье на замызганном полу в углу натягивала подол на коленки.

— Поедем в больницу, — сказал Мукасей устало. — Прямо сейчас.

— Дурак, — ответила она неожиданно холодно и спокойно, так, что он вскинулся от удивления. — Никуда я не поеду. Ты, может, забыл, мне — двадцать пять, я совершеннолетняя. Сама могу решить, что мне делать. Ишь, Аника-воин! Пока ты там воевал, не думал небось про сестренку-то. А теперь приехал... Провоевался!

Мукасей вдруг увидел перед собой ее прищуренные глаза, полные ненависти.

— Все, все тебя жалели, восхищались: ну как же, интернациональный долг выполняет Валечка! А меня никто не щадил. Мать на моих глазах умирала, отец на моих руках. Никто не думал, мне-то каково... — Она заплакала злыми слезами. — Деньги, которые ты слал, — тьфу, дерьмо, на три раза уколиться. Ну ничего, я теперь сама себе могу заработать.

— Заработать? — нахмурился он. — Это каким же способом?

Алиса хмыкнула, словно подавилась смешком, удивленная, — дескать, неужели действительно дурак не понимает? И в следующую секунду, сообразив по лицу Мукасея — нет, и впрямь не понимает! — издевательски захохотала сквозь еще не просохшие слезы.

— Так я тебе и сказала! — Она хохотала все сильнее, захлебываясь хохотом, зло и торжествующе глядя брату прямо в глаза. — Так вот все тебе взяла — и сказала!...

— А ну прекрати истерику! — Мукасей решительно поднялся.

— Истерику? — Она тоже вскочила на ноги, вжалась в угол, вся оцетинилась, смех оборвался злой и жалкой гримасой. — Это у тебя истерика, Валечка, а со мной все в порядке. Что, думаешь, я не знала, чем наше воркованье кончится? Там выполнил долг, теперь тут хочешь? А если мне не надо, если мне и так хорошо?

Она решительно шагнула к кухонным полкам, широко выдвинула ящик с лекарствами. Мукасей еле успел оттолкнуть ее, выдернул ящик с потрохами, бегом понес в туалет. Все время, пока он в остервенении рвал над унитазом подряд все, что попадалось под руку, Алиса стояла у косяка с кривой недоброй ухмылкой.

— Зря стараешься, завтра меня здесь не будет.

Отбросив пустой ящик, Мукасей кинулся в комнату сестры. Он распахивал шкафы и тумбочки, выволакивал наружу белье, переворачивал матрацы. Не найдя ничего, он замер посреди перевернутой квартиры, напряженно что-то соображая, вспоминая. Потом кинулся в ванную. Сунул руку за трубу, в естественный тайничок, оставленный строителями, и вытащил завернутый в тряпочку шприц, несколько ампул, десятков небольших целлофановых пакетиков с какой-то коричневой застывшей массой внутри.

Алиса дернулась, закусила губу. Мукасей отстранил ее плечом, кинул с силой стекляшки в унитаз, разорвал и туда же швырнул пакетики, спустил воду.

— Не-на-вижу, — с прыгающим лицом выдохнула Алиса, сжав горло руками. — Не-на-вижу тебя...

Мукасей решительно затолкнул ее в комнату, принес из кухни стул, запер снаружи ножкой дверь. Прошел в родительскую комнату, постоял в оцепенении. И вдруг с силой наподдал ногой пепельницу с окурками.

Мукасея разбудили солнце и голуби. Они ворковали у него над ухом, трещали крыльями и жестко ворочались на жестяном подоконнике. А где-то рядом скулил маленький Мотысик. Мукасей резко сел на постели и прислушался. Нет, не Мотысик. Выскочил в коридор. Скулили из-за двери Алисиной комнаты.

Она сидела на смятой кровати в одной рубашке, зябко обхватив себя за плечи руками, раскачивалась и тихонько выла.

— Алиса, — позвал Мукасей, стоя на пороге, но она не откликнулась, даже головы не повернула.

Мукасей подошел, сел у нее в ногах, попытался взять за руку, она дернулась. Сказала глухо:

— Уйди. — И вдруг закричала тихо и от этого страшно: — Убирайся вон, слышишь? Кретин! Ты понимаешь, что я сейчас сдохну? Ты понимаешь, что это жизнь моя, что я не могу без этого?

Мукасею показалось, она снова сейчас завоет, но вместо этого Алиса схватила зубами свою руку у запястья. По подбородку потекла кровь — и в этот момент Мукасей увидел ее глаза: черные, страшные, полные смертной муки. Он отпрянул. А сестра откинула простыню, спрыгнула босая на пол, выбежала из комнаты. Мукасей пошел за ней и, стоя на пороге родительской спальни, молча смотрел, как она накручивает диск телефона.

— Шпак? — закричала она в трубку неестественно высоким, срывающимся голосом. — Это я, я! Да, кумарит, плохо, очень. — Алиса говорила отрывисто, словно сэкономила остатки сил. —

Бери. Что-нибудь. Быстрее. Сдохну...

* * *

Алису била крупная дрожь. Мукасей тщетно пытался согреть ее пледом, одеялами — не помогало. Прозвенел звонок: на пороге стоял парень — длинный, худой, как Кощей, с глазами, словно упавшими в глубокий колодец. Он подозрительно зыркнул на Мукасея, но ничего не сказал. Только когда прошел к Алисе, пробормотал, иронически скривив губы: «Скорая помощь». Она слабо улыбнулась ему в ответ. Все время, пока он с медсестринской ловкостью набирал в принесенный с собой шприц раствор из пузырька, вводил его в вену, Мукасей стоял рядом и смотрел. Она не поблагодарила Шпака, только прошептала:

— За мной будет...

Он еще раз кинул быстрый настороженный взгляд в сторону Мукасея, кинул «чао» и убрался. Алиса откинулась на подушку и закрыла глаза.

* * *

Мукасей с Глазковым вывели, почти вынесли Алису из подъезда, положили на заднее сиденье «москвича». Соседка с выпученными глазами молча наблюдала за ними из окна. Мукасей сел рядом с сестрой, обнял ее за плечи. Она была как тряпичная кукла. Всю дорогу Алиса молчала, только когда подъехали к воротам больницы, сказала жалобно:

— Не надо...

* * *

В большом пустынном полутемном холле Мукасей беседовал с врачом. Маленький востроносый человек в белом халате смотрел на Валентина снизу вверх и оттого, казалось, был изначально недоволен.

— Что вам сказать? Очень, очень сложный случай, — сердито говорил он, и его резкий голос разносился по всему помещению. — Полинаркомания. В тяжелой стадии. Лечить? Лечить будем. Вылечить? Это вопрос! Если шансы есть, за них надо еще очень и очень бороться. Статистика малоутешительная — мы пока можем помочь лишь каждому шестому, если не седьмому. Впрочем, что вам до статистики... — Доктор махнул рукой и несколько сбавил тон. — Вас волнует конкретно ваша сестра. А тут я вам ничего твердо обещать не могу. Первый закон: полная изоляция! Никаких контактов с прежним окружением. Трудно. Весьма трудно. Контингент идет на все — вплоть до подкупа сиделок. Вплоть до побегов. Персонала не хватает, охраны толком никакой. — Он снова начал раздражаться. — Каждый день, простите за выражение, «шмонаем» палаты, выгребаем кучи всякой дряни. Именно дряни, иначе не назовешь. Между прочим, это у них одно из названий наркотика: «джеф», «болтушка», «желтуха» и «дрянь».

— А как это все попадает к вам в отделение? — робко поинтересовался Мукасей.

— Как? — задрал подбородок, яростно переспросил маленький доктор. — Это я вас должен спросить — как! Вы лучше меня должны знать, что за компания у вашей сестры, что у нее за дружки, которые завтра — да-да, не смотрите на меня так, — прямо завтра потащут ей всякую пакость! Поверьте моему опыту, у них взаимовыручка как на фронте. Сегодня ты мне помог, завтра я тебе помогу. Начнут совать наркотики в яблоки, в булочки, даже в варенье. Или попросту на веревочке... — доктор для наглядности показал руками, как именно «на

веревочке», — через окошко в сортире... Вы можете мне с гарантией обещать, что этого не будет? Чтобы я мог нормально лечить вашу сестру? Можете? Не можете?

— А... в милицию вы разве не сообщаете?

— В милицию? — врач удивленно вскинул брови. — При чем тут милиция? У нас больница. У нас больные люди, которых мы должны лечить. Когда они сами этого хотят, конечно. Ну а когда не хотят... — добавил он со значением, глянув на Мукасея испытующе. — Хотите честно? Не думаю, что ваша сестра пожелает лечиться добровольно. Сейчас-то у нее воля ослаблена, она на все, что угодно, соглашается. А вот завтра... Да еще при том, что на воле дружки остались... Все это мы уже проходили — и не раз.

Психиатр махнул рукой безнадежно и вдруг перешел на официальный тон:

— Должен предупредить: если больная начнет нарушать режим, мы будем вынуждены ее выписать. Сообщим в районный наркологический диспансер, там вместе с милицией будут решать вопрос о ее принудительном лечении. Впрочем, это тоже в один день не делается. Вам все ясно?

Мукасей молчал. Доктор, не глядя больше на него, постоял еще немного, с постным выражением на лице кивнул пару раз каким-то своим мыслям. Обычный родственник обычной больной. Всегда одно и то же. Потом он демонстративно посмотрел на часы:

— Извините, у меня обход, — и зацокал прочь каблуками по кафельному полу.

Мукасей долго тыркался в полутемном коридоре среди дверей с надписями: «Бухгалтерия», «Паспортный стол», «Техник-смотритель». Наконец ему навстречу попала женщина с электрическим самоваром в руках, и он спросил:

— Где тут у вас участковый помещается?

— Направо, направо, потом налево и вверх по лестнице, — тетка с самоваром растаяла в лабиринте.

В большой комнате, где Мукасей нашел участкового, был, вероятно, жэковский красный уголок, по стенам висели плакаты и графики. А сейчас здесь, отодвинув к стенам стулья, занималась секция карате: с потолка свисали на крюках «мешок» и «груша», человек шесть в белых кимоно тренировались кто друг с другом, кто на снарядах.

Участковый, крепкий мужик лет тридцати, сидел за столом в углу и, только что оторвавшись от лежащей перед ним писанины, устало тер лицо руками.

— Ну где она теперь? — спрашивал он, словно скучную повинность отбывал.

— В больнице.

— Давно пора было, — одобрил участковый. — Так чего ты от меня-то теперь хочешь?

Мукасей набычился. Сказал, глядя участковому в лицо:

— Хочу спросить: вы куда смотрели?

Участковый понимающе кивнул, недобро усмехнулся.

— Вона что... Мы с претензиями. А знаешь ты, что у нас по закону употребление наркотиков не преступление? — Он помолчал, сдерживаясь, и сказал: — Значит, так. Был сигнал. От соседей. Я зашел к ней, поговорили. Предупредил: если будет продолжать, отправлю на принудление. А попадется с наркотиками, посажу. Она потом вообще полгода в квартире не появлялась. Есть еще вопросы?

Мукасей выложил на стол записную книжку.

— Вот, это ее... Тут все дружки.

Участковый небрежно перелистал странички и кинул книжку обратно Мукасею.

— Ну. Дальше что? Я чего, должен по всем ее знакомым ходить, спрашивать: вы, случаем, не наркоман будете? Уговаривать: не ходите, дети, в Африку гулять! Нет у меня других дел... Интересные вы все люди! — продолжал он, не скрывая издевки. — Когда уже поздно, поезд ушел, бежите в милицию: ах, у меня сынок алкоголик, ах, сестричка наркоманка! А сами-то, сами куда смотрели?

Мукасей спрятал записную книжку в карман, встал, сказал угрюмо:

— Меня здесь не было.

— Его здесь не было, — иронически поднял брови участковый. — А кто тебя неволил там столько лет торчать? — Он выдержал паузу, словно раздумывая, говорить — не говорить, и сказал: — Денежки зарабатывал, валюту?

Мукасей взорвался: мгновенно. Перегнулся через стол, схватил участкового за ворот, так что ткань затрещала.

— Пусти, дурак, срок получишь! — хрипел тот. Сзади на Мукасея навалились каратисты, оттащивали его за руки. Наконец оттащили.

— Гоните его вон! — крикнул участковый, растирая горло.

Мукасей упирался, вырывался.

— Гад! Сволочь! — орал он. — Я должен был тут сидеть, да? Да? Я?

Его наконец выволокли через порог, он уцепился за косяк, дверь захлопнули, больно ударив по пальцам.

— А-а! — взревел он и плечом вышиб эту дверь вместе с замком.

Кто-то в белом метнулся ему навстречу, Мукасей ушел от удара, сам ударил, откинул в сторону второго, перехватил ногу третьего... Участковый, стоя в углу, что-то кричал, но у Мукасея как будто заложило уши. Он рванул на себя кожаную «грушу» — крюк вылетел, посыпалась известка и пошел молотить этой «грушей» направо и налево, разметал всех по сторонам, хрястнул по столу, зацепил шкаф, из-за которого выпал вдруг полинялый лозунг «Превратим Москву в об...», а сверху, звеня стеклами, посыпались портреты: Брежнев, Черненко, еще кто-то... И только тогда он остановился, тяжело дыша, чувствуя, как градом льется по лицу пот. Бросив «грушу», медленно вышел из комнаты.

* * *

— Да, нездорово...

Глазков обтачивал напильником зажатую в тиски деталь, а Мукасей с понурым видом сидел на верстаке, ощупывая пальцами ссадину на скуле.

— Ночуй тут, я раскладушку принесу. Домой тебе лучше не соваться, могут повязать.

Мукасей тяжело вздохнул и соскочил на пол.

— У них не залежится...

* * *

Скорый поезд с надписью на вагонах «Ташкент-Москва» только что остановился на московском перроне. Немного в стороне от общей толпы встречающих держался высокий крупный мужчина (по которому в день приезда мельком скользнул взгляд Мукасея) с фигурой бывшего спортсмена, даже точнее — боксера, на что намекал его слегка искривленный и приплюснутый нос. Как и тогда, он не суетился, никого не высматривал, а просто смотрел на дверь спального вагона.

На пороге показался элегантный молодой блондин в модной мешковатой куртке со множеством карманов, в спортивного покроя брюках и в спортивных туфлях. Прежде чем он шагнул на перрон, они с бывшим боксером встретились взглядами, причем молодой чуть заметно кивнул: дескать, все в порядке. В руке у него был тяжелый на вид чемодан, через плечо висела довольно плотно набитая спортивная сумка. Угадав в нем клиента, подскочил носильщик, но был немедленно отодвинут могучим плечом спортсмена, шагнувшего сквозь толпу. Чемодан из рук блондина быстренько перешел к спортсмену, и оба, не перекинувшись даже словом, зашагали к выходу в город.

На стоянке спортсмен открыл багажник серой «волги», они аккуратно уложили туда чемодан и сумку. Спортсмен кинул блондину ключи, тот ловко поймал их на лету, уселся за руль, боксер рядом, машина тронулась с места.

«Волга» миновала пост на Кольцевой, вырвалась за город. Промелькнули названия подмосковных поселков. Машина свернула на боковую дорожку, прошуршала протекторами по совсем узкому проулку и остановилась перед высокими глухими воротами. Блондин коротко гуднул, мелькнуло в щели забора чье-то лицо, ворота, повинувшись электромотору, с неприятным скрипом отъехали в сторону. «Волга» проехала по участку и остановилась возле добротного загородного дома.

Блондин вылез на травку, потянулся, разминая плечи, а потом собственноручно вынул из багажника чемодан и сумку, поднялся с ними на крыльцо. А спортсмен не спеша двинулся по дорожке вокруг дома, туда, где в летней беседке за деревьями ярко пестрели женские платья, откуда доносились смех, громкие голоса.

Блондин прошел в комнату, обставленную старинным гарнитуром карельской березы, положил чемодан на диван, сумку поставил рядом. С наслаждением стянул куртку. Распустил ремешки и отстегнул укрытую под мышкой кобуру с пистолетом, кинул его на кресло, прикрыл сверху курткой.

— Привет, привет, — дверь отворилась, и в комнату вошел пожилой подтянутый мужчина, седой, загорелый, в светлом летнем костюме. — Как съездил?

— Нормально, Виктор Михалыч. — Блондин стоял, почти вытянув руки по швам, слегка наклонив голову, и, только когда ему походя протянули ладонь для рукопожатия, торопливо ответил.

Виктор Михайлович уселся в кресло, закинул ногу на ногу:

— Показывай.

Блондин щелкнул замками, откинул крышку чемодана. Под парой рубашек ровными рядами лежали целлофановые пакеты, туго набитые желтовато-коричневым крошевом.

— Кокнар, — сказал блондин, извлекая один из пакетов и кладя его аккуратно на стол. — Двенадцать кило, больше не влезло.

Он расстегнул «молнию» на сумке, достал осторожно небольшую коробку типа тех, в которых продают в кулинарии пирожные. Развязал веревочку. В коробке лежали баночки из-под вазелина — штук тридцать.

— А это опиум. Четыреста граммов.

— Тоже больше не влезло? — добродушно усмехнулся Виктор Михайлович.

— Больше вы мне денег не дали, — обиженно стал оправдываться блондин, и хозяин махнул рукой, дескать, я пошутил.

Виктор Михайлович небрежно взял одну баночку, отколупнул крышку. Под ней оказалась темно-коричневая вязкая масса. Потрогал пальцем, понюхал, только языком не лизнул. Спросил озабоченно:

— А как качество?

Блондин развел руками:

— Ну, я ж эту гадость не пробую!

— Ничего, — усмехнулся хозяин, — я думаю, любители найдутся, а?

И они оба весело и понимающе рассмеялись.

— Фархат просил передать, — посерьезнев, сказал блондин, — если возьмете много, будет скидка.

— "Много" — это сколько? — вскинул брови Виктор Михайлович.

— Вот этого, — блондин кивнул на вазелиновые коробочки, — килограммов пятьдесят-шестьдесят. А этого... — он подкинул на ладони пакет с кокнаром, — тонны две.

Виктор Михайлович откинулся в кресле, рука его автоматически нашарила в кармане пиджака коробочку конфеток «Тик-так», он кинул один белый шарик в рот, лицо его стало отрешенным, словно он смаковал появившееся во рту чувство свежести.

— Интересно, интересно, — повторял он, потирая кончик подбородка, — очень интересно... — Потом, как будто очнувшись, Виктор Михайлович отдал приказание властным, не терпящим возражений тоном:

— Прямо сегодня найди пару «кроликов», проверь товар. Надо его по-быстрому сплавить. И никаких кредитов, ясно? Только наличные.

* * *

Блондин на серой «волге» заехал в какой-то темный двор. Фары осветили покосившийся флигель, облупившуюся дверь, плотно занавешенные окна. Он вышел из машины, тихонько стукнул костяшками пальцев в стекло. Никто не ответил. Постучал сильнее. Наконец, оглянувшись, грохнул кулаком по раме. Дверь открылась. В свете габаритных огней автомобиля можно было увидеть исхудалое неприятное лицо с ввалившимися от беззубья щеками, пустые запавшие глаза, висящие клочьями волосы.

— Леня, вы? — ахнуло это привидение, взглядываясь, и радостно запричитало: — Проходите, проходите, прошу.

Блондин прошел в комнату, больше похожую на конуру, безглаголиво оглядел грязные тряпки на лежаке, замызганную посуду.

— Проходите, Ленечка, садитесь, — простуженным голосом предложил хозяин и, заметив, что гость оглядывается, усмехнулся: — Как говорит Сенека, беден не тот, у кого ничего нет, а тот, кому надо еще больше.

Он забился в угол топчана, где, видимо, лежал раньше, свет тусклой лампочки освещал только его руки, огромные, исхудалые, с вздувшимися жилами и венами. Руки эти мелко дрожали.

— За что люблю интеллигентов, — сказал блондин, присаживаясь на край скамейки, — так это за умение излагать. Как это у тебя получается: «Сенека говорит»? Он что, жив еще?

— Жив, Леня, жив, — глухо отвечал ему хозяин. — Мы с вами умрем, а Сенека будет жив до тех пор, пока существуют книги, пока разум будет торжествовать над безумием... — Он говорил, а его руки жили отдельной жизнью: сжимались конвульсивно до белизны костяшек и бессильно опадали. — Вы пришли ко мне поговорить о литературе или что-то принесли? Но должен вас предупредить, денег нет. Я два дня без кайфа, так что даже пойти и украсть не в состоянии. — Блондин достал из кармана пузырек, поставил на край стола:

— На вот, поправь здоровье. Отдашь, когда сможешь.

Рука протянулась, сграбастала склянку.

— Получили товар, нужен «кролик»... — Он кряхтя слез с лежанки, покопался в углу, извлек откуда-то шприц, посмотрел его на свет.

— Если догадался — молчи, — с угрозой сказал блондин.

— Молчу, молчу, — пробормотал хозяин, — я всегда молчу. Вы только отвернитесь, Леня, не люблю, когда смотрят.

Блондин отвернулся. И вдруг спросил:

— А не боишься? Сдохнуть однажды...

Закинув голову, хозяин опустил осторожно на лежанку, замер, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Я, Леня, давно уже этого не боюсь...

Через минуту блондин склонился над ним:

— Ну как?

— Тащусь помаленьку... — еле слышно ответил хозяин. Рука его крепко сжимала склянку с остатками.

— Оставь на поправку, — расщедрился блондин и вышел на улицу.

Красный «москвич» въехал в ворота больницы. Глазков остался в машине, а Мукасей поднялся по ступенькам.

— Посидите здесь, только никуда не уходите, — сказала, увидев его, медсестра, — я за доктором, сейчас он придет.

Уходя, она еще раз обернулась и настойчиво повторила:

— Никуда!

Через полминуты простучал по кафелю каблуками маленький психиатр.

— Что? — спросил Мукасей, поднимаясь.

— Ваша сестра убежала.

— Как... — начал в растерянности Мукасей.

— Вот уж этого не знаю, — отрезал доктор. — Советую поинтересоваться у ее дружков. Наше дело лечить больных, а не бегать за ними. Всего хорошего.

Он повернулся и пошел прочь.

* * *

Мукасей пощупал палец и перевернул страничку в записной книжке Алисы.

— Вот! Вот он, Шпак! Но тут только телефон...

— А ты что хотел, паспортные данные? — усмехнулся Глазков.

Они сидели в машине перед входом в больницу. Мукасей сказал:

— Один телефон нам без толку... Нужен адрес.

— О! — воскликнул Глазков. — Сережку Савина помнишь? Из второго взвода? Да помнишь ты его — мы с ним вместе дембельнулись! На телефонном узле сейчас, мастером. А?

* * *

Шпак жил в старом, пожалуй, едва ли не дореволюционной постройки доме. Подъезд был отделан мрамором, дубовая резная дверь с большими медными ручками. На крыльце — два облупившихся каменных шара.

Выйдя из подъезда, Шпак перекинул через плечо сумку на ремне и, не оглядываясь, зашагал по улице.

— Поехали потихоньку, — Мукасей тронул за плечо Глазкова. Он сидел на заднем сиденье, чтобы в случае чего легче было спрятаться.

Увидев подъезжающий к остановке троллейбус, Шпак ускорил шаг и вскочил на подножку в последний момент, когда двери уже закрывались. Глазковский «москвич» не торопясь ехал за троллейбусом по многолюдной, заполненной транспортом улице. Они чуть было не упустили Шпака, когда возле Моссовета он вместе с большой толпой каких-то туристов спрыгнул на тротуар.

— Вон он! — возбужденно выкрикнул Глазков. — Вон, в переход спускается!

— Развернись у телеграфа и следи за мной на той стороне, — на ходу, уже выскакивая из машины, бросил Мукасей.

«Москвич» ринулся в гущу машин.

Шпак перебрался на ту сторону, вышел направо, к памятнику Долгорукому, и вскоре остановился, а потом и присел на лавочку у фонтана. Ясно было, что он кого-то ждет.

Мукасей маялся на углу Столешникова, одним глазом приглядывая за Шпаком, другим стараясь не пропустить Глазкова. Наконец «москвич» подъехал, Мукасей рукой показал другу, чтоб сворачивал направо, к «Арагви». И сразу вслед за Глазковым тут же с улицы Горького повернула серая «волга», сделав круг возле памятника, и затормозила на стоянке. За рулем сидел молодой блондин.

Шпак поднялся со скамейки, прогулочным шагом направился в сторону «волги». Туда же, прячась за спины прохожих, устремился Мукасей.

Но тут произошло странное. Вместо того чтобы подойти к блондину, Шпак остановился примерно в метре от открытого окна «волги» и с рассеянным видом зашарил по карманам в поисках сигарет. Прикуривая, он прикрылся ладонями от ветерка, развернулся спиной и, сделав полшага в сторону, как бы случайно остановился прямо возле водителя. Мукасей отчетливо видел, что блондин, не глядя на Шпака, что-то произнес. Шпак задал короткий вопрос, блондин ответил. Шпак прикурил наконец и тронулся дальше. Бегом, чуть не сбив с ног цветочницу с корзиной, Мукасей добежал до Глазкова.

— Серая «волга» — видишь?... — запыхавшись, крикнул он в открытое окно «москвича». «Волга» как раз отчаливала от стоянки.

Он не договорил и бросился следом за узкой спиной Шпака, мелькавшей уже в районе ресторана «Центральный».

* * *

Вслед за «волгой» «москвич», напрягая двигатель, летел по улицам. Пока Глазков умудрялся компенсировать разницу в мощности маневренностью — то проскакивал в щель между грузовиком и автобусом, то обгонял поток машин справа, едва не заезжая колесами на тротуар. На очередном светофоре «волга» резко рванула вперед с места. Глазков выжал из двигателя все, что мог...

Мукасей ехал в одном вагоне метро со Шпаком, искоса наблюдая за ним через головы пассажиров. "Следующая станция — «Курская», — сообщил репродуктор, и Шпак начал пробираться к выходу. Выйдя из метро, Шпак и Мукасей оказались в недрах Курского вокзала и вскоре миновали вывеску «Автоматические камеры хранения». Мукасей поотстал: народу тут было немного, подобраться близко к Шпаку в этом узком проходе между камерами он не мог. Оставалось только подсматривать из-за угла, как Шпак колдует возле одного из ящиков: опускает в прорезь «пятнашку», набирает код на циферблате. Дверца открылась. Шпак извлек из камеры сумку, очень похожую на ту, с которой пришел, а свою сунул на ее место. Покрутил наружные колесики, сбил шифр, опустил монетку, но, прежде чем захлопнуть дверцу, вдруг резко оглянулся. И Мукасей не успел отскочить, отпрянуть. Он замер на мгновение, а потом решительно шагнул в проход к ближайшей камере, делая вид, что тоже опускает монету, крутит колесики шифра. Из всех сил он старался держаться непринужденно, не повернуть головы, но краем глаза видел: Шпак медлит захлопывать дверцу, стоит, глядя в его сторону. Потом он, все так же не отрывая взгляда от Мукасея, протянул руку и вытащил из камеры вторую сумку. Заметив это движение, Мукасей понял, что притворяться больше, кажется, нет нужды, повернулся и встретился с глазами Шпака, настороженно глядевшими на него.

Шпак всматривался не больше секунды. Лицо его перекривилось: узнал, вспомнил! Подхватив обе сумки, он круто повернулся и бросился прочь.

Сначала они бежали по длинному переходу, натываясь на прохожих, лавируя между углами чемоданов и ящиков. Шпак на ходу столкнулся с пожилой женщиной, нагруженной сумками и пакетами, — в разные стороны полетели яблоки, помидоры, колбаса, гирлянда сосисок. Мукасей буквально перелетел через груженую тележку носильщика, пересекавшего ему дорогу. Пару раз Шпак обернулся.

Миновав лестницу, они выскочили в центральный зал, и тут Шпак, не успев сориентироваться, с ходу врезался в довольно плотную толпу идущих к поезду призывников — бритых, с вещмешками, чемоданами и гитарами. Он налетел на кого-то, его толкнули, кто-то хохоча попытался схватить его за локоть: «Пошли, дядя». Дико озираясь, Шпак вырывался, протискивался сквозь их плотный строй, а в это время Мукасей, потеряв его из виду, метался, выглядывал, не мелькнет ли тот в толпе. И увидел как раз в тот момент, когда Шпак, рванувшись последний раз, выскочил на улицу. Но одна из его сумок зацепилась за чей-то рюкзак, в отчаянии он дернул ее изо всех сил, хрустнул кожзаменитель, сумка хлопнулась на пол, из нее по грязному затоптанному вокзальному кафелю под ноги пассажирам полетели пачки денег.

Шпака перекосило. Но тут он снова увидел Мукасея и, прижав к груди вторую сумку, бросился к большим стеклянным дверям, ведущим на улицу. Там, на открытом пространстве, поотставший было Мукасей опять стал догонять его.

Перемахнув через невысокий заборчик, Шпак метался между машинами на платной стоянке, пытался спрятаться среди них. Но Мукасей увидел его, рванул наперерез и чуть не попал под отъезжающие «жигули». Шпак снова выиграл секунду-другую, выбежал со стоянки и понесся к Садовому кольцу. Нырнул в подземный переход, выскочил на той стороне. Всего каких-нибудь десять-пятнадцать метров разделяли их с Мукасеем, когда Шпак подбежал к отваливающему с остановки троллейбусу и прыгнул в него в последнее мгновение перед тем, как закрылись двери. Подбежавший Мукасей тщетно попытался растянуть створки, проникнуть внутрь: троллейбус набирал ход, Мукасей чуть не угодил под колеса.

В первый момент он растерялся, опустил бессильно руки, остановился. Но когда в заднем стекле троллейбуса мелькнула злая рожа Шпака, Мукасей сплюнул на землю тяжелую вязкую слюну, глубоко вздохнул и побежал за троллейбусом. Бежать приходилось по кромке между тротуаром и проезжей частью, огибать деревья, стоящие машины, он все время с кем-то сталкивался, спотыкался. Дыхания не хватало — сказывалось ранение; лицо перекивило от боли, от напряжения, от усталости. А троллейбус уходил вперед все дальше и дальше. И только бледное лицо с неприятной ухмылкой — помесь страха со злобой — заставляло его бежать из последних сил.

А потом случилось чудо: троллейбус остановился на светофоре. Мукасей подбежал и грудью упал, уперся в его широкий зад, глотая воздух широко открытым ртом. Шпак отпрянул от стекла. Опираясь о борт, Мукасей дошел до двери, снова попытался оттянуть створки и опять не добился результата. Все расплывалось уже перед его залитыми потом глазами, когда взгляд сфокусировался на толстых канатах, свисающих с края машины. В последнее мгновение, когда троллейбус уже тронулся, он ухватился за них и потянул на себя. Где-то высоко над головой ударили искры, палки соскочили с проводов, троллейбус встал. Сейчас же открылась передняя дверь, полезла из кабины недовольная женщина-водитель, и Мукасей нырнул внутрь, заработал локтями, пробираясь в хвост.

* * *

Последним отчаянным усилием Глазков, воспользовавшись затором, маневрируя среди грузовиков, объехал блондина на две машины. И когда поток снова тронулся, сумел пристроиться прямо перед «волгой». Блондин высокомерно помигал ему фарами: дескать, пропусти. И тут Глазков с силой надавил руками на тормоза, вжав голову в ожидании удара. Удар не замедлил. Завизжали тормоза едущих сзади машин, а «волга» с размаху врезалась в зад «москвичу». Зазвенели стекла.

— Ты что, сволочь, делаешь? — остервенело бросился блондин к инвалиду, чуть не хватая его за грудки.

Вокруг уже начали притормаживать, останавливаться любители поглазеть на аварию. Сочувствие явно было на стороне инвалидного «москвича», а не «волги». Блондин, быстро поняв, что ругаться бессмысленно, резко сбавил тон.

— Слушай, друг, — сказал он Глазкову, — понимаешь, дело какое, тороплюсь я, в аэропорт опаздываю. Тут у твоей таратайки... — он скептически оглядел нанесенный «москвичу» ущерб, — всех делов-то на четвертак. На тебе полтишок, нос к носу — и разбежались, а?

— А справку об аварии как же? — с туповатым выражением на лице поинтересовался Глазков. — Кто мне справку-то даст?

— Хорошо, вот тебе стольник... Два стольника! — шелестя в бумажнике, уговаривал блондин.

Пробираясь среди машин, к ним направлялся постовой. Увидев его, блондин злобно сплюнул и спрятал бумажник в карман.

— Дурак ты, паря. Сейчас на одном протоколе полчаса потеряем.

* * *

Шпак забился в угол троллейбуса, вжался в поручни. Мукасей привалился к нему, тяжело дыша. Со всех сторон их окружали плотной массой пассажиры, наверное, поэтому Шпак не

говорил, а шипел:

— Чего тебе надо?

Мукасей не мог говорить, потому что еще не в силах был отдышаться после этой дикой гонки. Он только протянул руку и ухватил за ремень сумку Шпака. Шпак судорожно потащил сумку к себе и опять прошипел в испуге:

— Чего? Чего хочешь?

— Где Алиска?

— Я откуда знаю? — исподлобья озираясь на людей, пробормотал Шпак.

— Запомни... я вам... гадам... все равно... жизни не дам...

Мукасей дернул за ремень сумку. Шпак тянул на себя, бормотал затравленно:

— Ты что, чокнутый? Нужна она мне, твоя Алиска! Пусти!

Троллейбус остановился, народ стал сходить на остановке. Шпак рванулся к выходу. Мукасея оттирали от него, кто-то заехал ему локтем в грудь, он охнул от боли и выпустил ремень сумки. Шпак дернулся, выскочил. Они снова бежали по улице.

— Стой, гадина! — кричал теперь Мукасей. — Стой! Держи его!

Шпак свернул с Садового на набережную Яузы. Мукасей кричал. Со всех сторон оборачивались люди. От тротуара начала отъезжать патрульная милицейская машина, включила мигалку и сирену. Коротко обернувшись, Шпак стал на ходу расстегивать сумку. Взмах рукой — и над язовой водой взлетели веером вазелиновые коробочки, а за ними два целлофановых пакета. Пакеты раскрылись в воздухе, за ними потянулся на воду шлейф из сухого коричневого порошка. Мукасей сделал еще по инерции несколько шагов и остановился, тяжело дыша. Попадать в милицию ему хотелось не больше, чем Шпаку.

* * *

Глазков возле своей мастерской возился с разбитой машиной. Подошел Мукасей, огорченно покачал головой:

— Н-да, от души...

— Фигня, — беспечно отозвался Глазков. — Сейчас вот только крыло отогну, чтоб за колесо не цеплялось, и можно ездить. Зато... — он отложил монтировку, вытер руку о штаны и двумя пальцами извлек из нагрудного кармашка листок, — адресок имеется. Бутковский Леонид Алексеевич. На, можешь подшить к «делу»...

Он почесал тыльной стороной ладони в затылке и сказал:

— Правда, мой у него тоже теперь есть.

* * *

Ночная улица была пустынна и скудно освещена. Пара тусклых фонарей, из которых один мигал и все время норовил погаснуть. Неоновая надпись «...ЫБА». Мукасей и Глазков сидели в

машине на противоположной стороне от подъезда с шарами на крыльце. Глазков развернул пакет, вытащил два бутерброда, один протянул Мукасею. Поинтересовался вяло, видно, уже не впервые:

— А если он вообще сегодня домой не придет? Мукасей молчал, не отрывая глаз от подъезда. Блики подмигивающего фонаря ложились на его заостренное, сосредоточенное лицо.

— Ну хорошо, — продолжал Глазков, раздражаясь, — ну даже если все-таки придет. Что ты будешь с ним делать? Иголки под ногти загонять? Чего ты молчишь?

Мукасей все молчал. Тогда Глазков сказал:

— Слушай, вот мы его здесь ждем, ждем, а может, он давным-давно дома? Может, как от тебя удрал, так и сидит там, сволочь, в квартире и на звонки не отвечает?

— Чего ты хочешь? — пожал плечами Мукасей. — Дверь вышибить?

— Я в ему не то что дверь, душу в вышиб, — пробормотал Глазков, вылезая из машины. — Пошли, посмотрим глазами, надоело сидеть.

Тягучий, плохо освещенный лифт кряхтя дотащил их до четвертого этажа. На площадке света не было вовсе. Мукасей чиркнул спичкой, повел ею по сторонам. Жестяная табличка «№ 36», заляпанная краской, висела криво на одном гвозде. Спичка догорела, Мукасей зажег новую. В двери Шпака была прорезь с железной планкой: «Для писем и газет». Глазков отогнул планку, приложил ухо.

— Тихо, — сказал он шепотом. И через несколько секунд сообщил убежденно: — Там кто-то есть. Голоса.

Во всяком случае, какие-то звуки.

Мукасей зажег третью спичку, решительно поднял руку и нажал на звонок.

— Погоди, — тем же шепотом остановил его Глазков, снова припадая к двери. — А теперь тишина... Давай во двор спустимся, на окна глянем.

Четвертый этаж светился почти весь, кое-где рамы были по-летнему распахнуты, и только три окна темнели в общем ряду. Глазков с Мукасеем стояли внизу, задрав головы.

— Смотри, — напряженно произнес Мукасей, вытягивая руку в направлении этих окон, — свет! Видишь?

И тут Глазков тоже увидел тоненькую полоску света, выбившуюся из-за шторы.

Вернулись в машину. Мукасей неотрывно смотрел на подъезд, а Глазков бешено рылся в «бардачке»: вытащил оттуда старую обломанную расческу, темные очки без одного стекла, кусок поролона, все это он засунул в бумажный кулек, плотно перетянул резинкой и подкинул на ладони, любуясь делом своих рук. Сказал:

— Иди звонить. Ноль один. Я думаю, у нас на все будет минуты три-четыре, не больше. Пусть потом говорят, что не бывает дыма без огня.

Когда внизу завыла сирена первой пожарной машины, Мукасей поджег край газеты, дождался, пока повалил густой черный дым, и сунул пакет в щель почтового ящика. Они с Глазковым

едва успели подняться на верхнюю площадку, как снизу повалили, тяжело топая сапогами, бравые пожарники в касках, с фонарями. В свете этих фонарей было видно, что дым лезет из всех щелей. Один из пожарных вдавил звонок, а другой, не дожидаясь, подцепил фомкой косяк, с треском нажал. Дверь раззявилась. В черном дыму мелькнуло белое пятно старушечьего личика.

Рыская фонарями, пожарники лезли в квартиру. Туда же, прикрывая лицо от гари, кашляя, протолкались Мукасей и Глазков.

Все смешалось в доме Шпака. Какие-то полуголые белые тени метались по коридору. В опустевшей полутемной комнате мерцал экран телевизора с порнолентой в видеоманитофоне. Кто-то на мгновение появился в дверях, швырнул в экран пустую бутылку: шарахнуло так, что бывалые пожарники пригнули в коридоре головы.

А в соседней комнате, там, где в отсвете слабого ночника тяжело ворочались потные тела, где кто-то стонал, кто-то вставал, шатаясь, на нетвердые ноги, Мукасей отбрасывал в сторону одеяла, тряпки, простыни, хватал кого-то за плечи, переворачивал лицом вверх. Мелькнуло мертвенное запрокинутое лицо, но женское или мужское — не разобрать. Потом круглая, расплющенная рожа, заросшая щетиной. А потом, откинув край одеяла, он увидел Алису.

Она лежала на спине с полуоткрытым ртом, мелко-мелко дыша. На лбу блестели капли пота, глаза широко распахнуты. Мукасей заглянул в эти глаза и увидел два черных пустых провала. Он осторожно подsunул ладони и поднял сестру, прижав ее к себе. А когда повернулся к двери, на пороге стоял Шпак с большим кухонным ножом.

Мукасей не понял, откуда, с какого боку из темноты вынырнул Глазков. Шпак сделал шаг навстречу, и Глазков, крикнув, будто рубил лозу, ударил его своей палкой. Ударил так, что тот рухнул как подкошенный. С Алисой на руках Мукасей перешагнул через него и вышел в полный дыма коридор.

«Москвич» несся по ночной Москве. Глазков не обращал внимания на красные сигналы светофоров. Мукасей сидел на заднем сиденье, держа голову Алисы на коленях. Она хрипела, у нее выкатились глаза, вокруг рта выступила розовая пена.

Скрипя покрышками, «москвич» влетел на пандус, по которому заезжают машины «скорой помощи» в больницу Склифосовского.

* * *

Мукасей с Глазковым сидели, не глядя друг на друга, в приемном покое. Глазков вытянул ногу с протезом и оперся на палку. Мукасей поднялся, подошел к окну и прижался лбом к стеклу, за которым серел ранний рассвет.

Электрические часы на стене дрогнули, стрелка переместилась: 3.46.

Когда вышел врач, молодой парень с усталыми глазами, в зеленой операционной униформе, Мукасей резко повернулся к нему и все понял: тот глядел в сторону. Но Мукасей продолжал смотреть на него в упор, и врач сказал:

— Она... не рассчитала дозу. Это бывает... у них. От нас практически ничего не зависело...

* * *

В том краю, откуда недавно приехал блондин, полуденное солнце било из зенита в упор. Все живое попряталось в укрытие. Две лохматые псины, лежавшие в тени, только хвостами вяло шевельнули, когда мимо них по извилистой улочке, бегущей в гору, поднимая иссушенную веками кокандскую пыль, рыча на первой передаче, взобрался «уазик» с государственным номером. Машина остановилась у ажурной калитки в глухой стене из песчаника, густо увитой плющом. Дверца открылась, и на солнце показался сверкающий сапог. Чуть погода второй. Грузный мужчина тяжело сполз на подножку и спрыгнул в пыль. В сапоги были заправлены светлые брюки. На белом как снег пиджаке — депутатский значок и орден Ленина. Круглое лицо его с мелкими капельками пота было нахмурено.

Во внутреннем дворе большого дома, в тени сплошного шатра из зеленых насаждений все дышало свежестью и прохладой. Посреди двора из центра круглого бассейна бил фонтанчик. Хозяин, стройный черноволосый красавец лет сорока, с двумя сыновьями лет по десять-двенадцать, развлекался тем, что кормил мясом хищных рыбок, извивавшихся по каменистому дну водоема.

По песчаной дорожке проскрипели шаги. Хозяин повернулся к гостю. Приветствовал его по-узбекски:

— А, Назарбек, проходи.

Глянул искоса на сыновей — их как ветром сдуло. Мужчины сели напротив друг друга.

— Какие новости привез?

— Хороших нет, — отдуваясь, ответил Назарбек. — Только что с совещания в исполкоме. Помнишь, в прошлом году над полями летал вертолет? Теперь всегда так будет. Фотографируют сверху и фотографии везут прямо в Ташкент... — Он значительно ткнул пальцем вверх и добавил уныло: — А с ними не договоришься...

Хозяин встревожился, но виду не подал. Заметил небрежно, поигрывая стаканом в пальцах:

— Над горами летать вертолету трудно, в наши ущелья он и подавно не сунется. А пока ему хватит дураков здесь, на равнине.

— Тебе легко говорить, Фархат, — вздохнул Назарбек, — ты ничем не рискуешь. А плантации на угодьях моего колхоза.

— Я ничем не рискую? — нахмурился хозяин. — Как у тебя только язык поворачивается говорить такое? Если на твоих полях найдут мак, ты скажешь: ничего не знаю, сам вырос. Ну, оштрафуют тебя. А с меня не это... — Фархат небрежно ткнул пальцем в сторону ордена, — с меня это снимут, — он похлопал себя ладонью по крепкой шее и жестко спросил, переходя к делу: — Когда головки созреют?

— С того поля, которое пониже, уже все собрали, ты сам знаешь. А в высокогорье созреет дней через пять. Только хорошо бы нам не держать товар долго у себя, — с тревогой добавил Назарбек. — Ты нашел покупателей?

— Покупателей... — усмехнулся одними губами Фархат. И неожиданно произнес по-русски: — Больше народу, меньше кислороду, так, кажется? У меня есть покупатель. Один. Мой старый знакомый. От него уже был гонец, забрал пробную порцию. Я ему передал, что предлагаю взять все сразу, оптом.

— Все сразу? — ахнул Назарбек.

— Да, — кивнул Фархат. — Лучше рискнуть один раз, но по-крупному, чем на ерунде погореть.

Назарбек был явно встревожен.

— Все сразу... А он надежный человек, этот твой покупатель?

— Мы с ним не родственники, — усмехнулся Фархат, объясняя этим все. — Поэтому, когда будем передавать товар, нужны будут люди.

— Люди есть... — погруженный в какие-то мысли, пробормотал Назарбек. — А как ты хочешь все сразу передать?

— Ты возишь в Москву продукты на ярмарку?

Назарбек кивнул.

— Вот и хорошо. Твое дело — дать машину с шофером... Зарема! — крикнул он в дом. — Принеси фрукты!

Когда жена поставила на стол вазу с персиками, Фархат уже кончил излагать свой план.

— Опасно, — вздохнул осторожный Назарбек. — И трудно!

— Без труда не вытащишь рыбку из пруда, так? — твердо выговаривая русские слова, с усмешкой спросил Фархат.

* * *

Скрипело по кладбищенской дорожке тележное колесо. Замирало, когда возница лениво трогал вожжи и соскакивал на землю, чтобы подобрать мусор. К свисту птиц, к шелесту ветра в листве прибавился новый звук: легко стучали о крышку гроба комья глины.

Один из могильщиков сидел поодаль, прислонившись к стволу дерева. Другой, голый по пояс, в потеках пота на грязной груди, стоял рядом с могилой, опираясь на черенок лопаты, и негромко напутствовал:

— Правой рукой, три раза, пожалуйста...

Мукасей и Глазков стояли по другую сторону могилы. Молча наклонилась и бросила ком пучеглазая толстуха-соседка. За ней шли две пухлые девицы, похожие друг на друга скорбным выражением лиц, одноклассницы Алисы или подруги детства. И тогда по эту сторону могилы остался только один человек: худая как жердь женщина неопределенного возраста, с ссохшимся маленьким личиком, в немислимом допотопном костюмчике, с черным газовым шарфиком на тощей жилистой шее. Она стояла с закрытыми глазами, сжав на груди детские кулачки, раскачиваясь легонько из стороны в сторону. Могильщики подождали еще чуть-чуть, переглянулись и, поплевав на руки, вонзили сверкающие штыки в рыжую глину.

К воротам кладбища подъехали две машины с заляпанными грязью номерами — «волга» и «жигули». Одновременно открылись дверцы, вылезли человек шесть-семь, среди них блондин, спортсмен и Шпак с огромным синяком в пол-лица. И первое, что блондин увидел, от чего в изумлении поднял брови, был разбитый зад глазковского «москвича».

Приехавшие, разбившись на группки по два-три человека, пошли по дорожке кладбища.

Глазков вдруг напрягся и, не поворачивая головы, толкнул Мукасея в бок. Между деревьями было видно, как за близкой оградой проехала милицейская машина. Мукасей пригнулся и нырнул в кусты. А милицейская машина притормозила у ворот, из нее вышли пожилой майор и женщина, в руках у них были цветы. Машина тут же отъехала, майор и его спутница побрели в другую сторону кладбища.

И тут спрятавшийся за большой плоский памятник Мукасей увидел идущих по дорожке Шпака, блондина и спортсмена. Навстречу им, к выходу, двигались немногие, хоронившие Алису. Последним ковылял Глазков. Вдруг остановилась, в ужасе раскрыв глаза и прижав к груди маленькие кулачки, наркоманка в черном газовом шарфике. А потом Мукасею все закрыла подъехавшая телега.

Тяжело спрыгнул на землю возница в сером халате, потащил за собой вилы, принялся нагружать мусор, собранный в кучу при дороге. Пофыркивала лошадь, отгоняя мух. Прямо над головой у Мукасея пела какая-то птица. Возница боком взгромоздился на телегу, заскрипело колесо. Дорожка была пуста. Мукасей подождал еще немного и осторожно выбрался из кустов. Сделал несколько легких шагов и остановился как вкопанный. Поперек дорожки валялась палка Глазкова.

Самого Глазкова он увидел секундой позже. Тот лежал в проходе между двумя оградями лицом вверх с открытыми глазами. На рубашке с левой стороны проступало красное пятно. Бабочка-капустница порхала над ним и наконец безбоязненно села на щеку. Еще не веря, Мукасей опустился рядом с Глазковым на колени.

В траве блеснула связка ключей, выпавшая у него из кармана. Мукасей поднял ее (ключи легонько звякнули) и только в этот момент понял, что Глазков мертв. Он вскочил на ноги и побежал, из-под подошв его брызгами летели песок и гравий. Он выбежал на площадь перед кладбищенскими воротами и увидел сразу: пропыленный рейсовый автобус, отъезжающий с остановки, в окне которого мелькнула пучеглазая соседка, покосившийся глазковский «москвич» с распоротыми шинами, а больше ничего. Ни «волги», ни «жигулей» не было.

* * *

Повернулся ключ в замке, отъехал изнутри мощный засов, тяжелая стальная дверь осторожно подалась, и Мукасей проник в мастерскую Глазкова. В мастерской было темно, только сквозь высокие подвальные окна проникал далекий отсвет уличных фонарей. Мукасей задвинул засов и замер, прислушиваясь. Потом на цыпочках подошел к оконным проемам и, повозившись немного, поднял металлические жалюзи, закрыл ставни, опустил решетку — все образцы продукции кооператива «Голем».

Было тихо и теперь уже совсем темно. Мукасей долго шарил в темноте, пока не включил маленькую лампочку над верстаком. Огляделся в раздумье. Тихонько выдвинул один ящик с инструментами, другой. Достал ножовку, напильник, поискал на стеллажах, нашел какую-то трубку, зажал ее в тисках, принялся осторожно пилить. Потом он что-то сверлил, обтачивал, даже приваривал какие-то детали небольшим сварочным аппаратом. И, наконец, в руках у него оказалось нечто вроде примитивного арбалета: стальная пластинка наподобие рессоры натягивала стальную проволоку, в ложе из полураспиленной трубки ложилась дюралевая стрела с заостренным наконечником.

Прицелился — стрела с треском вонзилась в дверной косяк, расщепив его надвое. Мукасею

пришлось сильно раскачать ее, чтобы вытащить обратно. И тут за окнами прошелестели шины, мазнуло по жалюзи светом фар. Мукасей прыгнул к лампе, погасил ее и замер. Хлопнули на улице дверцы машины. Тишина. Кто-то завозился у двери, примериваясь к замку, но недолго. Снова тишина.

Спортсмен, а с ним еще кто-то поднялись наверх из подвала. Блондин ждал их возле машины.

— Там дверь стальная и замок хитрый, — хмуро доложил спортсмен.

— На хитрый замок надо чем-нибудь с винтом, — хмыкнул блондин, зажигая фонарик. Его луч прошелся по углубленным в ямы подвальным окнам. — Изнутри заперто. Гадом буду, он там! У тебя ведро есть? А шланг?

* * *

Прильнув к щели в жалюзи, Мукасей видел, как темная фигура наклонилась к баку машины, слышал, как ударила струя бензина о дно ведра.

— Тьфу, падла, наглотался! — сказал человек злобно, отплеываясь.

— Хватит, полное, — ответил другой. — Щас он у нас наглотается.

Блондин поднял с земли камень и швырнул его вниз, в окно. Зазвенели стекла.

* * *

Мукасей отпрянул. Он слышал, как льется из ведра бензин в яму, как струйки стекают на подоконник, на пол... До него донеслось: «Если он, сука, там, сейчас выскочит как миленький!» И сверху кинули спичку.

Деревянный пол загорелся сразу. Мукасей вскочил было на верстак, но увидел, что это не спасет его: огонь распространялся быстро, дым лез в горло. Тогда он соскочил и бросился к стеллажу. С огромным трудом отодвинул его сантиметров на десять, потом еще, еще... Протиснулся между ним и стеной, уперся ногами, нажал. Лицо его исказилось от напряжения. И стеллаж медленно накренился, а потом упал, придавив огонь. Но ненадолго. Языки пламени стали прорываться и сквозь него. Зато на открывшейся стене Мукасей увидел забранную решеткой люк вентиляции. Подхватил табуретку, сбил с нее пламя какой-то тряпкой. Не найдя под рукой ничего другого, арбалетом подцепил решетку, нажал, выворотил ее с корнем...

— Плесни-ка еще, — приказал блондин спортсмену.

Тот плеснул. Пламя разгорелось.

— Или он спекся, или там его нет. Делаем ноги.

«Волга» блондина затормозила возле тротуара. Он прихватил сумку с переднего сиденья, запер машину и вошел в подъезд. Насвистывая, взбежал на второй этаж, открыл ключом дверь. Шагнул в комнату и остановился на пороге.

В кресле напротив входа сидел Мукасей, грязный, с лицом, выпачканным сажей, и целился из арбалета прямо блондину в грудь. Распахнутая дверь на балкон объясняла, как он попал в квартиру.

— Не делай никаких движений, которые могут тебе повредить, — сказал Мукасей. — Эта штука

пробивает насквозь сорокамиллиметровую доску. Понял?

— Понял, — вяло ответил блондин.

— Молодец. Сними сумку. Положили на пол. Осторожно. Медленно.

Блондин повиновался. Мукасей кивнул в сторону обеденного стола:

— Сядь за стол. Руки положи сверху. Вот так.

* * *

Не спуская с блондина глаз, он обошел его, поднял сумку, вернулся и сел по другую сторону стола. Все время глядя на блондина, расстегнул на сумке «молнию», опрокинул ее над столом. Высыпались несколько пачек денег, штук пять баночек из-под вазелина, портмоне. Мукасей подковырнул крышку одной из баночек, понюхал, покачал головой. Вывернул портмоне. Несколько купюр, мелочь, железнодорожный билет. Мукасей взял билет, рассмотрел его.

— Едешь сегодня в Ташкент?

Блондин дернул плечами: дескать, чего отвечать.

— Один?

— Один. — Он всего на мгновение помедлил с ответом, но Мукасей это промедление уловил. Подтолкнул к нему через стол открытую баночку с опиумом.

— Ешь. — И угрожающе приподнял арбалет.

— Да ты что, рехнулся? Я же сдохну!

— А ты и так сдохнешь, — пообещал Мукасей, направляя арбалет блондину в лоб. — Жри, гадина! За маму... за папу... Ложечку тебе принести? За Алису! За Костю Глазкова, которого ты, гад, зарезал!

— Не резал я никого! — взвизгнул блондин. На лбу у него выступил мелкий пот. — Чего ты хочешь?

— Сколько вас едет? — сжав губы, спросил Мукасей.

— Четверо...

— В одном купе?

— Да... В двух соседних... СВ...

— За этим? — Мукасей показал подбородком на баночки.

Блондин судорожно сглотнул, кивнул.

— А почему на поезде? Почему самолетом не летят? Блондин молчал.

— У них что, оружие? Да? А где у тебя? Встать! — заорал Мукасей, сам поднимаясь. — Встать! Руки за голову!

Блондин медленно вставал, медленно поднимал руки. И вдруг резко рванул край стола, опрокидывая его на Мукасея, сунул руку под мышку, выдернул пистолет. Они выстрелили практически одновременно. Стрела Мукасея вошла блондину в лоб над переносицей. Блондин врезался спиной в сервант, и долго еще сыпались на пол хрустальные рюмки, бокалы, фарфоровые чашки.

...Минут через пятнадцать Мукасей на кухне закончил перевязывать себе руку, зубами перегрыз край бинта, найденного в одном из ящиков. Вернулся в комнату, взял из руки убитого пистолет. Опустился на корточки, нашел железнодорожный билет. Разглядел его аккуратно и положил в карман.

* * *

«Уазик» с председателем колхоза Назарбеком пылил по горной дороге, натужно взбирался на кручу. На повороте он обогнал группу туристов с рюкзаками, те морщились и махали руками, отгоняя поднятую машиной пыль, весело смеялись.

А «уазик» забирался в заоблачные дали и наконец остановился на поляне возле небольшого деревянного домика, из которого навстречу Назарбеку вышли две личности бандитского вида, в застиранных рубахах навыпуск, в тубетейках, один с карабином в руке. Назарбек поздоровался с ними легким взмахом ладони, они почтительно посторонились, пропуская его в дом.

В это время туристы, которых обогнала машина, остановились на перепутье, выбирая маршрут.

— С той стороны мы не обогнем, — убеждал спутников плечистый парень в кепке с козырьком, — я в прошлом году пробовал: сплошные обрывы, ущелья, тропка узенькая, иногда совсем прерывается. Очень опасно.

— Зато, наверное, красота оттуда... — мечтательно протянула маленькая девушка.

— Что, совсем нет дороги? — поинтересовался второй парень, видимо дружок девушки, судя по тому, как заботливо поправлял он ремни ее рюкзака.

— Да не то чтобы совсем, — пожал плечами первый. — Я ж говорю: очень опасно.

— Юрочка, ну давай попробуем! — загорелась маленькая туристка. — Ну, будет опасно, так вернемся!

— Давай, — согласился Юра и предложил остальным: — Мы с этой стороны, вы с той, встречаемся в долине. Кто позже придет, готовит ужин, замечано?

Они вышли на гребень скалы и вдруг внизу, на дне широкого ущелья, увидели поле с бледно-розовыми цветами.

— Смотри, люди, — удивилась девушка. Она приложила руки ко рту рупором: — Эй, лю-уди-и-и!

* * *

Назарбек дремал в тени на берегу ручейка. Те двое, что встречали его, работали: специальными ножичками собирали в целлофановые пакеты застывшее молочко со стенок коробочек мака. Услышав крик девушки, они, пригнувшись, бросились к кустам и схватились за карабины.

— Стой! — по-узбекски приказал им проснувшийся Назарбек. — Без стрельбы!

Бандиты ловко, цепляясь за кусты, принялись карабкаться вверх по склону.

* * *

Юра, кажется, что-то понял. Он дернул подругу за руку, лицо его напряглось.

— Молчи! — пробормотал он. — А ну, давай отсюда сматываться.

— Что случилось! — тревожно спросила она.

— Потом объясню! — на ходу бросил он.

Они побежали вверх по узкой, еле заметной тропке над кручей, он пропустил ее вперед, поддерживал сзади, помогал. А когда на секунду остановился, прислушиваясь, снизу донесся хруст камней под ногами. А вот и две тени мелькнули между валунами метрах в тридцати ниже.

Парень и девушка выскочили на гребень. Открылся вид на окрестные горы. Далеко внизу можно было различить, как идет по соседнему склону основная группа туристов. Сзади из-за камня показалась голова первого из преследователей.

— Бросай рюкзак! — крикнул парень подруге, кинув в пропасть свой, и, увидев, что она медлит в испуге, стал сдирать у нее с плеч ремень. — Беги, ну же, беги!

Бандиты приближались. Девушка увидела в их руках ножи, ахнула и побежала. Парень поискал глазами, поднял острый камень, сказал:

— Уходите, мы никому ничего не скажем.

Двое молча приближались. Он сжал губы, бросил камень и не попал. Один кинулся ему под ноги, свалил, второй двумя руками, как молотом, ударил по затылку. Парень еще попытался встать, поднялся на четвереньки, но тут же страшный удар ногой отбросил его с гребня, и он покатился вниз в облаке пыли и камней. Тело подпрыгивало на уступах и летело дальше вдоль почти отвесного склона.

Девушка, тяжело дыша, то и дело в ужасе оглядываясь, прыгала с камня на камень. Двое догоняли. Перед ней открылась расщелина метра два шириной. Она остановилась, балансируя на краю, боясь прыгнуть. За валуном показалась голова преследователя, и девушка заплакала. Она прыгнула, не дотянула до края, уцепилась было за кусты, но сорвалась, полетела вниз.

* * *

Услышав далекий грохот, руководитель группы, тот, что был в кепке, тревожно оглянулся. По склону тянулся пылевой след камнепада.

* * *

На вечернем перроне у входа в спальный вагон рядом с проводником стояли трое: подтянутый пожилой мужчина — Виктор Михайлович, спортсмен и еще один, маленький крепыш.

— Две минуты, — нервно сказал Виктор Михайлович, взглянув на часы. — Что-то случилось.

— Дома нет, я два раза ездил, — заметил крепыш. — Но дверь не опечатана.

— Тьфу на тебя! — в сердцах воскликнул Виктор Михайлович.

— Скорый поезд Москва — Ташкент отправляется с третьего пути, — сообщил репродуктор. — Отъезжающих просят занять свои места, провожающих — выйти из вагонов.

— Заходите, — сказал проводник, — сейчас поедem.

* * *

С грохотом ходила под ногами вагонная площадка. Мукасей стоял в темноте в переходе между двумя вагонами и курил, пуская дым к сереющему небу, мелькавшему узкой полосой над головой. Бжих-бах, вжих-бах — зыбкие, как пароходная палуба в шторм, ходили туда-сюда стальные плиты. Чтобы не упасть, Мукасей держался за какой-то шланг.

Хлопнула, как выстрел, дверь в тамбур, держась друг за друга, проскочила, шатаясь, веселая парочка... Снова пушечно хлопнула дверь... В третий раз ее открыли аккуратно. Человек в железнодорожной форме остановился, посветил фонариком. Спросил настороженно:

— Гражданин, из какого вагона? Билет есть у вас?

— А... Да... Вот! — Мукасей достал из кармана билет.

Железнодорожник осветил билет, потом будто невзначай махнул лучом фонаря по лицу Мукасея.

— Пройдите в тамбур. Здесь нельзя стоять.

И, еще раз глянув с подозрением, пошел дальше.

Снова стукнула железная дверь. В переход вошел спортсмен, нагруженный бутылками боржоми. Мукасей отпрянул, успел отвернуться. А спортсмен хлопнул за собой дверь, открыл следующую, попал из межвагонного грохота в относительную тишину, прошел половину вагона — и остановился, пораженный внезапным подозрением. Осторожно поставил бутылки на коврик, повернул обратно. Осторожно открыл дверь в тамбур, еще более осторожно — сперва чуть-чуть, потом шире — дверь в переход. Распахнул настежь — никого.

* * *

Мукасей быстро шел по вагонам, почти бежал. Грохот — стук — ковровая тишина купейного, грохот — стук — свисающие в проход руки плакатного, грохот — стук... Он едва успевал захлопнуть дверь тамбура, как с противоположной стороны появлялся спортсмен. В последнем вагоне, в последнем тамбуре это должно было кончиться.

Спиной к Мукасею неторопливо шел, вытирая большую лысую голову казенным вафельным полотенцем, толстый человек в пижаме.

— Извините, — сказал Мукасей, протискиваясь мимо него. Толстяк обернулся, прижавшись животом к стенке, пропустил Мукасея, рванул ручку двери и исчез в своем купе. А Мукасей сделал по инерции еще два шага, круто повернулся, прыгнул назад, отодвинул ту же дверь, шагнул через порог, задвинул дверь на место и привалился к ней спиной.

— Здравсьте, — сказал он, изо всех сил стараясь изобразить на лице радость от нежданной

встречи. — Не узнали? — При этом он судорожно шарил пальцами у себя за спиной, нащупал рукоятку замка и повернул ее. В купе было полутемно, горел только ночник в изголовье нижней полки. На Мукасея удивленно и испуганно глядел давешний попутчик — «деда». Узнал, заулыбался, лицо его разгладилось. Приложил палец к губам, показав подбородком на спящего внука. Мальчишка лежал, разметав простыни, на соседней полке.

* * *

Спортсмен добрался до двери последнего тамбура и безуспешно дергал запертую дверь.

* * *

— Вот какое горе у нас, — тихо и скорбно рассказывал «деда» Мукасею. — Как приехали, на второй день пес и сбежал. Оглянуться не успели — сбежал, подлец. — «Деда» горестно качал большой головой и повторял: — Такое горе, такое горе... Этот рыдает, — он кивнул на внука, — я сам на валидоле. Даже на ВДНХ не пошли. Лучше в дома сидели, никуда не ездили...

Больше говорить стало не о чем, Мукасей поднялся. Вровень с его головой была пустая верхняя полка. Он похлопал по ней ладонью:

— А тут у вас что, никого?

— Пусто, — отозвался «деда».

— У меня соседи беспокойные, может, я у вас останусь? Не возражаете? А утром с проводником договоримся. А?

* * *

Поезд стоял у ташкентского перрона. Толкаясь чемоданами и сумками, пассажиры выдавливались из дверей, становились толпой, плывущей в направлении здания вокзала. В конце концов Мукасей остался в вагоне один. К нему заглянул проводник:

— Заснул? Приехали...

И начал выгребать из-под столика пустые бутылки. Мукасей неторопливо поднялся, вышел на пустеющую платформу.

* * *

Он стоял под часами на привокзальной площади, когда рядом остановился беленький «запорожец». Из машины выскочил худой смуглокожий молодой человек, бросился к Мукасею. Они обнялись.

— Ну? — напористо спросил Мукасей.

— Я все сделал, как ты велел, — с легким акцентом ответил тот, — чуть не в самое купе к ним влез. Потом проводил до выхода. Понимаешь, их встречали. Красная «шестерка», я номер записал. Не ташкентский номер, такие дела! Они выехали на трассу и ушли от меня, вот так. — Он с досадой взмахнул руками: — Что моя таратайка против них, такие дела!

У Мукасея застыло лицо. Он схватил молодого человека за рукав:

— Сайд, мне надо их догнать, понимаешь?

— Ничего я не понимаю, — пожал плечами Саид. И добавил с обидой: — Как я могу понимать, когда ты ничего не объясняешь, а только звонишь среди ночи, говоришь: «Сайд, сделай так...»

— Мне надо! — крикнул Мукасей так, что прохожие обернулись.

— Не кричи, — сказал Сайд. — Надо так надо. Садись в машину.

* * *

Они стояли на летном поле, вихрь от винтов вертолета рвал куртку на Мукасею, вздувал рубашку Сайда.

— Это свои ребята, афганцы, — перекрикивал шум двигателя Сайд. — Возят наших геологов. Сейчас летят в Бухару. Я договорился, они возьмут тебя с собой.

Мукасей махнул рукой в знак согласия и благодарности и пошел к вертолету.

— Так ты мне объяснишь, что происходит? — заорал ему вслед Сайд.

— Нет!

* * *

— Вон еще красненькая, — сказал пилот, вытягивая руку в направлении шоссе, тонкой нитью петляющего в горах. Вертолет чуть-чуть наклонил свой стеклянный нос и стал снижаться. Мукасей в очередной раз снял с задней стенки кабины тяжелый полевой бинокль. Он вибрировал в руках, изображение прыгало, наконец ему удалось поймать багажник красных «жигулей» и разглядеть номер.

— Они, — пробормотал он. — Они!

И в этот момент Мукасей увидел, как вспыхнули фонари, машина притормозила и, показав мигалкой, что поворачивает, действительно свернула направо, на какую-то боковую грунтовую дорогу, уходящую круто в горы.

— Куда это они? — в изумлении воскликнул Мукасей.

Вертолетчики переглянулись, один из них с сомнением покачал головой, но другой махнул рукой: дескать, давай уж до конца. И вертолет, сделав круг и набирая высоту, двинулся курсом, параллельным красным «жигулям».

* * *

— Куда это мы? — поинтересовался недовольно и подозрительно Виктор Михайлович. Его мотало и подбрасывало на ухабах. За машиной стелился шлейф пыли.

— Маленькая экскурсия, — откликнулся Фархат. — Здесь в горах такие виды... Хочу, чтобы вы знали: у меня от вас секретов нет. Друзья должны доверять друг другу, или я не прав?

Вдруг какие-то белые клочья ударили в лобовое стекло вертолета. Впереди стеной вставала полоса тумана, скрывая склоны гор, а вместе с ними и уходящую вверх грунтовую дорогу, по которой пылил красный автомобиль. Один из пилотов повернулся к Мукасею, удрученно развел руками:

— Придется поворачивать оглобли. Здесь это часто...

Мукасей напряженно думал.

— Можете высадить меня поближе к дороге?

— Если найдем площадку...

Вертолет стал снижаться.

* * *

Фархат вел за собой своих спутников по узкой, едва заметной в траве тропке. Остановились на краю обрыва, поросшего кустарником. Фархат поманил гостей поближе, раздвинул кусты.

— Смотрите!

Дно ущелья представляло собой большую поляну, поросшую фиолетовыми цветами.

— Это только одно поле. И не беспокойтесь, здесь никто, кроме пастухов, не ходит. А пастухи... молчаливые люди. — Фархат усмехнулся.

— И зачем ты нас сюда привез? — поинтересовался Виктор Михайлович.

Фархат тонко улыбнулся.

— В горных районах не все созрело. Чтобы собрать урожай, надо еще дня два. Если бы я вам об этом сказал, вы бы начали нервничать, так? — Он хитро прищурился. — А теперь все увидели своими глазами!

— Восточные хитрости, — недовольно бормотал Виктор Михайлович, когда пробирались по тропе обратно к машине.

* * *

Спрятавшись среди камней, Мукасей наблюдал, как красная «шестерка», поднимая тучу пыли, ползет мимо него вниз с горы. Проводив ее взглядом, он поднялся, отряхнул колени и двинулся по дороге вверх. Мукасей пробирался между скал, шел ущельями вдоль ручьев. Раза два встречал пастухов с отарами овец, но не выходил к ним, а, наоборот, прятался в кустах. Рыл по дорогам в земле какие-то коренья, обрывал с деревьев дикие ягоды. Когда стемнело, он нашел выемку в скале, небольшую пещеру, собрал хворост, развел костер. И заснул рядом, прямо на камнях.

* * *

Утром Мукасей снова пустился в свои поиски. Часа через два он оказался на развилке троп, где откололись тогда от группы парень с девушкой. Поколебавшись, свернул вправо и, пройдя по узкой тропке над обрывом, увидел ущелье, сине-зеленое поле отцветшего мака и людей, хлопотавших вокруг него. Несколько минут он молча рассматривал все это с застывшим, ничего — ни радости, ни злорадства — не выражающим лицом. Рассматривал, будто прикидывал объем работы, которую предстоит сделать. Потом осторожно двинулся по тропе вперед, взобрался повыше и залег среди камней.

Сверху он видел все как на ладони. Возле домика стоял «КамАЗ» с широко раскрытым задним

бортом длинного прицепа. Тут же — «уазик» Назарбекова, красные «жигули» Фархата, еще какая-то «волга». Вокруг суетились человек десять. В огромной ступе, выдолбленной из коры целого дерева, двумя бревнами толкли по очереди маковые головки. Затем кокнар ссыпали в большие целлофановые мешки, перевязывали, относили в грузовик. Работа шла полным ходом, и когда солнце стало клониться к верхушкам гор на западе, все кончилось. Люди ушли в дом, предварительно заперев борт «КамАЗа». Наступила тишина.

Солнце припекало, а Мукасею некуда было спрятаться от него. На поляне ничего не происходило, он всматривался вниз до ряби перед глазами, веки его набрякли, губы пересохли, голова клонилась к камням.

В какой-то момент он не выдержал, отключился, а очнувшись, обнаружил, что кругом спустилась ночь.

Внизу один за другим зажигались огоньки фар, урчали моторы. Последним грозно вступил двигатель «КамАЗа». Мукасей вскочил и начал осторожно спускаться вниз.

Он не стал подбираться к поляне, а сразу занял позицию в кустах на изгибе дороги, ведущей вниз. Сначала проехала «волга», потом «уазик». Наконец появилась черепашья голова «КамАЗа». Пока, медленно проходя крутой поворот, он вытягивал свое длинное тело, Мукасей успел забраться между кабиной и кузовом еще до того, как сзади подоспели со своими фарами «жигули». Он ухватился за какую-то трубу, руками уперся спиной в борт, а ногами в стенку кабины. Трясло невероятно, пот заливал глаза, в рот набился песок. Но Мукасей держался. Главное — он ехал.

Уже слегка начало рассветать, зарозовели верхушки гор, когда машины свернули с дороги на большую поляну, окруженную неясно различимыми в полутьме скалами, и одна за другой полукругом остановились. Мукасей спрыгнул и, пригибаясь, отбежал в кусты, укрылся за валуном.

Вскоре на пустынной дороге с противоположной стороны показалась еще одна кавалькада машин. Съехав с дороги, они остановились на приличном расстоянии. У одной из них три раза зажглись, просигналив, фары дальнего света. Три фигуры на фоне сереющего неба приближались со стороны дороги. Две другие вышли им навстречу из глубины поляны.

Виктор Михайлович, маленький крепыш, спортсмен и Фархат с Назарбеком встретились посередине.

— Я смотрю, ваши люди добрались благополучно. С деньгами все в порядке? — улыбчиво, но жестко поинтересовался Фархат.

— В порядке, — заверил его Виктор Михайлович, — Пойдем, покажете, что у вас.

Они подошли к грузовику. Фархат отпер замок, откинул лесенку, зажег фонарь.

— Прощу.

Мукасей совсем близко от себя услышал глухие голоса. Потом вся компания вывалилась наружу.

— Пошли считать деньги, — довольным тоном сказал Виктор Михайлович.

* * *

Как бывает в горах, рассвело почти мгновенно. Уже можно было различить в одной из машин людей, склонившихся над большим чемоданом. Текли минуты.

Водитель «КамАЗа» соскочил на землю, отошел к кустам, расстегнул ширинку. Его напарник открыл дверь, уселся, свесив ноги наружу, облокотившись на спинку сиденья и положив рядом карабин.

Мукасей бесшумно выскочил из укрытия, обогнул борт грузовика. Оглянувшись по сторонам — никто не видит! — проскользнул в кабину. Сел, поджал ноги и пятками с размаху выбросил водителя из машины. Повернул ключ зажигания, двигатель заурчал, бухнул, завелся! «КамАЗ» буксанул поначалу на траве и щебне, потом выскочил на камни и пошел, пошел вылезать на дорогу, размахивая незакрытыми дверями, как будто балансируя руками.

* * *

Фархат в машине поднял голову, зыркнул глазами по сторонам, захлопнул крышку чемодана, дернулся было вон. Но маленький крепыш сунул ему под подбородок дуло:

— Стой, сука!

— Я тут ни при чем, ребята, — забормотал Фархат, — догоняйте его! — Но крепыш, не отрывая от него глаз, медленно протянул руку, потащил к себе чемодан с деньгами.

— Да догоняйте же! — в отчаянии крикнул Фархат.

Замешательство в рядах противника позволило Мукасею оторваться, хотя и не надолго. Вскоре он увидел в зеркало преследователей.

На горной дороге не очень-то обгонишь. Тем более здоровый, как шкаф, лязгающий, громыхающий, забрасывающий на поворотах и ухабах «КамАЗ». Сзади вертелся «жигуленок», совался то справа, то слева. Из него стреляли по колесам, но неудачно: дорога мешала прицелиться. Несколько пуль пробили обшивку заднего борта, а одна вдребезги разнесла правое зеркало заднего вида. Мукасей «полуослеп».

В одном месте дорога расширилась. Скалы справа отступили, обнажив широкую обочину, и «жигуленок», как видно, решил: пользуясь отсутствием зеркала, рванул в щель между крутым, почти отвесным, каменным склоном и «КамАЗом».

Мукасей узнал об этом слишком поздно: когда пять пуль одна за другой пробили правую дверь с той стороны. Одна из них ударила его в правое плечо, другая вдребезги разнесла приборный щиток. Охнув, Мукасей круто вертанул руль вправо. «Жигуленок» понял маневр, резко, с визгом затормозил, но опоздал. Железная стена «КамАЗа» притерла его к скале, заскрежетал металл, словно в гонках по вертикали. А когда «КамАЗ» ушел вперед, «жигуль» упал на крышу, перевернувшись еще раз, и так остался лежать посреди дороги.

И вдруг перед лобовым стеклом грузовика мелькнул знак «Дорожные работы», потом «Тупик», затем справа возникли какие-то строительные машины. «КамАЗ» влетел на горочку, и перед ним открылся зев подземного тоннеля с хилой полосатой деревянной заслонкой посередине. Снеся эту заслонку, Мукасей влетел внутрь, врубил фары и затормозил юзом. Впереди была куча камней, то ли завал, то ли недостроенный тоннель.

Не выключая двигатель, он подхватил карабин, оставленный водителем, выскочил из машины, бросился к выходу из тоннеля. И как раз вовремя: на горке показалась первая машина.

Мукасей выпустил в нее несколько пуль, почти не целясь, и спрятался в темноту.

Пули Мукасея пробили лобовое стекло «волги», но не причинили вреда пассажирам.

Машина затормозила и задом быстро отъехала в непростреливаемую зону. Под прикрытием асфальтоукладчика бандиты собрались вместе.

— Я знаю эту дорогу, — со злым торжеством сказал Фархат. — Там тупик, теперь он от нас никуда не денется.

— Идиот, — отбросив дипломатию, процедил сквозь зубы Виктор Михайлович. — Он-то не денется, а нам здесь что, ночевать? У него там грузовик, который стоит два миллиона!

— Давайте, что ли, попробуем все вместе, — предложил маленький крепыш.

Подобравшись к краю простреливаемой полосы, они разом открыли огонь из всех пистолетов и ружей по черной дыре тоннеля. Мукасей еле успел упасть на землю, перекатиться за бордюрный камень, брошенный у входа. Пули свистели над его головой, щелкали о каменные стены. Одна пробила заднее колесо грузовика, и он с шипением осел набок.

Пальба прекратилась. Мукасей приподнял голову. Маленькие фигурки перебежали вниз от валуна к валуну. Он прицелился, выстрелил два раза. Одну фигурку подбросило, другая покатила по траве.

— Нет, так не пойдет, — сказал Виктор Михайлович. — Погодите, я попробую с ним поговорить.

Пригибаясь, он подобрался поближе и укрылся за колесом катка.

— Эй! — закричал он, надсаживаясь. — Вы меня слышите? Не стреляйте! Есть предложение!

Мукасей замер в своей полутьме с карабином в руке. Другой рукой он прикрывал рану на плече — из-под пальцев сочилась кровь.

— Чего надо? — наконец крикнул он.

— Там тупик! — заорал Виктор Михайлович. — Тебе оттуда не вылезти! Но ты нам не нужен, нам нужен грузовик! Понял? Уходи, мы тебя не тронем!

— Ну да, конечно, — пробормотал себе под нос Мукасей и крикнул: — Какие гарантии?

Виктор Михайлович задумался. Потом проорал:

— Мы отъедем вниз метров на триста, а ты уходи в горы!

Мукасей стоял, прижавшись к холодной стене.

— Дайте подумать!

— Сколько?

— Полчаса!

— Думай пятнадцать минут, потом опять начнем стрелять!

Мукасей добежал до кабины, на малом ходу подогнал «КамАЗ» задом поближе к выходу. Поднял водительское сиденье, нашел там топорик, расковырял им задний борт, открыл створки, залез внутрь. В свете, идущем снаружи, были видны тюки с кокнаром, рядом стояли два ящика с опиумом. Мукасей постоял секунду, потом рубанул с размаху топором по одному из тюков. Посыпался порошок. Он рубанул еще раз, еще, еще. Когда все мешки были истерзаны, он выпрыгнул наружу, принес из кабины ведро, подскочил к баку с горючим, ударил топором. В пробоину полилось. Он бегал от бака к дверям кузова и обратно, выплескивая горючее, торопясь, обливаясь. Снизу послышался голос Виктора Михайловича:

— Ну что, надумал?

— Сейчас! — крикнул он. — Сейчас!

Мукасей зажег спичку, сунул ее в коробок, там вспыхнуло. Он спрятался за борт и сбоку кинул коробок в кузов. Мощное пламя полыхнуло оттуда. Мукасей бросился в кабину.

...Из черной дыры тоннеля выползло огнедышащее чудовище. Оно задом катилось вниз по дороге, быстро добралось до сгрудившихся машин и стало напозать на них. Зацепило, поволокло за собой, на ходу извергая огонь, сметая все на пути в пропасть.